

СВЯЩЕННОЕ ДЕРЕВО

В марте 2002 года я получил письмо из посёлка Красный Яр от Евгения Вениаминовича Смирнова, моего стародавнего друга и верного помощника по таёжным странствиям. В письме он сообщил о серии несчастных случаев, произошедших в посёлке в феврале, имевших прямое отношение к древнему шаманскому культу удэгейцев. Письмо меня взволновало, поскольку я хорошо знал почти всех участников событий. После того как я позвонил в Красный Яр и уточнил ряд деталей, у меня возникла идея написать рассказ.

Этот рассказ перед вами. По сути это авторская версия того, что происходило на Бикине в конце шестидесятых годов и как отзвук – в феврале 2002. В рассказе сохранены наиболее важные подробности случившихся событий. Разумеется, рассказ этот, как и любой другой, содержит элементы авторской фантазии. Именно поэтому некоторые имена действующих лиц изменены.

Лето 1967 года выдалось на редкость жаркое. К августу Бикин обмелел настолько, что у Красного Яра реку можно было перейти вброд по косе. Земля в огородах высохла и потрескалась. Липкая в сырое время грязь на центральной улице посёлка превратилась в серую пыль, которую в последние дни всё чаще тревожил одинокий промхозовский грузовичок: зачастил возить с пристани на склад бочки с голубикой.

День седьмого августа с утра ничем особым не выделялся. Не успевший охладиться за ночь недвижный воздух с восходом солнца снова начал разогреваться. Духота быстро заполонила округу, потекла в сумрак жилищ, не оставляя их обитателям надежд на полноценное отдохновение.

Часам к одиннадцати, когда уже казалось, что жара в очередной раз установилась на весь оставшийся день, с

юго-востока неожиданно задул лёгкий ветер. Через несколько мгновений по центру посёлка бичом хлестанул упругий шквал. Сразу же на дороге, возле почты, неожиданно возник пыльный вихрь. Какое-то время он стоял на месте, рос, раскачиваясь из стороны в сторону. Поднявшись высоко над домами, вихревой жгут вдруг изогнулся дугой и, разгоняя переполошенных кур, двинулся через огороды в сторону пристани. По пути накрыл пекарню, раскидав дровяную поленницу, потом, рванув листья на тополе у ручья, понёсся на дом Меривана. Зависнув некоторое время над усадьбой, смерч поднял с земли двухметровую берёзовую доску и, крутанув ею, словно пропеллером, зашвырнул в окно дома. После содеянного пыльный вихрь обмяк, повернул на реку и где-то над ней рассыпался бесследно.

Бабка Сагдыевна, наблюдавшая со своего крыльца и оказавшаяся свидетелем воздушной атаки на соседский дом, некоторое время пребывала в оцепенении. Опомившись, быстро засемила через дорогу, чтобы рассказать соседу всё, что видела. Навстречу ей из дома вышел сам Мериван, босой, в заплатах галифе и накинутом на голое тело солдатском бушлате. Покачивая головой и что-то бормоча себе под нос, он осмотрел разбитое окно, вынул из него доску и отнёс в сарай. Вернувшись, утихомирил собаку, невидящим взглядом посмотрел на соседку и, не проронив ни слова, удалился в избу. Сагдыевна ещё какое-то время постояла у разбитого окна, разглядывая что-то внутри комнаты, наконец, махнула рукой, развернулась и с разочарованным видом побрела к себе.

Не прошло и получаса, как Мериван снова появился на улице. На этот раз одет был в белую рубаху с закатанными рукавами, в чёрные сатиновые шаровары и тряпичные штиблеты на босу ногу. Приткнув поленом входную дверь, он вышел со двора и, чуть прихрамывая, зашагал по деревянному тротуару в сторону почты. Не доходя почты, свернул на тропку, петляющую меж бурьянов. По ней вскоре вышел к одинокому домику с облупившейся глиняной штукатуркой, утопавшему в зарослях конопли и полыни.

На пороге дома Мериван остановился в нерешительности. Какое-то время потоптался. Наконец зашёл в дверь дощато-

го коридора и, ступив два шага, остановился перед закрытой дверью, ведущей в комнаты. Не успел он сжать кулак, чтобы постучать, как за дверью тихо, но вполне отчётливо послышалось: «За-хо-ди». Мериван осторожно отворил дверь.

Посреди сумрачной комнаты на полу спиной к входу, ссутулившись, сидел старый человек в замусоленном халате тэга. Перед ним лежал бубен мунту. Вокруг разбросаны какие-то тряпочки, шнурки, палочки. Человек обернулся и указал рукой на лавку возле окна. Мериван переступил порог и прошёл через комнату, разглядывая с любопытством раскиданные на полу вещи. Сев на указанное место, заговорил нарочитым баритоном, иногда переходящим на высокие нотки:

— Здорово, Гулино. Что-то давно не встречал тебя. Как живаешь?.. Ремонтуй что ли?

Гулино медленным движением отложил в сторону бубен, накрыл его куском козьей шкуры, потом, обратив большое заросшее густой седой бородой лицо к гостю, внимательно посмотрел ему в глаза.

Встретив этот взгляд, Меривану показалось, что какая-то сила стала вжимать его в лавку. Руки и ноги налились тяжестью. Он слышал от людей, что Гулино обладает гипнотической силой и даже способен видеть болезни человека. Однако никогда не верил этому. Ещё с молодых лет он недолюбливал слишком гордого, как ему казалось, непохожего на остальных односельчан бородатого человека. Лишь в последний год, с тех пор как почувствовал недомогание, он всё чаще почему-то стал вспоминать о шамане. Поначалу гнал от себя эти мысли. Свои болезни он всегда лечил сам. Пил травяные отвары, настойку женьшеня, лишь иногда обращался к фельдшеру за таблетками. Однако на этот раз всё это не помогало. В предчувствии серьёзной болезни излишняя самоуверенность, обычно сквозившая во всех его действиях, постепенно стала исчезать. Он то и дело задумывался о прожитом, копаясь в самых укромных уголках памяти. В последнюю неделю, когда в груди появилось сильное жжение, которое усиливалось по вечерам, начал думать о шамане непрерывно. И вот разбитое странным образом окно, поселившее в нём острое ощущение тревоги, заставило окончательно смириться и прийти в этот дом на краю посёлка. Нахлынувшее чувство сомнения, пра-

вильно ли он поступил, растаяло, как только зазвучал размеренный с хрипотцой доброжелательный голос Гулино:

– На тебе много вины, поэтому в твоём сердце открылась рана...

После этих слов Мериван почувствовал, что у него будто тисками сдавило сердце и задергались мышцы на правой ноге. Дрогнувшим голосом он попытался возразить:

– Гулино, я никому не причинял зла...

Гулино мягко перебил, продолжая начатую мысль:

– Ты забыл обычаи своего народа. Всю жизнь ты служил чужому Богу. Делал всё, чтобы память, которую столетиями копили наши предки, была стёрта... Сегодня ночью Большой Шаман на Хоре ушёл в верхний мир. Я общался с ним... Он сказал, что удэгейцев ждут большие беды, если они не вернуться к вере предков.

После воцарившегося молчания добавил, слегка повысив голос:

– Народ – он как кедровое дерево. Шишка на нём – это род твой. Орех – это ты. Чтобы зрели орехи, нужно думать о дереве.

Никогда не слышавший подобных речей, Мериван растерянно молчал. С одной стороны, вроде бы, всё то, что сказал Гулино, сплошной бред. Но в то же время где-то внутри он почувствовал, что в словах этих истина. Осознав это в одно мгновение, он, быть может, впервые за всю жизнь решил не упорствовать и сдаться без боя:

– Что же я могу сделать?

– Ты должен совершить обряд благодарения духов. Должен просить их вернуть людям веру... Ты сильный человек, но заблудился. За твои неверные поступки тебя уже наказывали. Вспомни своего первого сына...

– Как это, обряд?..

– Нужно идти в тайгу, сделать зарубку на кедре, как делал это твой отец, и помолиться. Чем быстрее, тем лучше. И молиться всякий раз, когда заходишь в тайгу и выходишь из неё... И молодых учи делать то же.

– А ты мне сможешь?

– Я уже помог. И если сделаешь, что я сказал, помогу ещё... Теперь ступай.

Мериван поднялся с лавки и словно во сне поплёлся к выходу. На ярком свете улицы он почувствовал облегчение, будто с души сняли тяжкий камень. Смятение в мыслях куда-то улетучилось. Он вдруг ясно осознал, что нужно делать. Идти в тайгу завтра же. Но прежде сходить в контору, отпроситься у директора и получить деньги. Деньги необходимы, чтобы купить чаю и муки, но, главное, водки, хотя бы бутылку. Водка нужна для совершения обряда. Но где её купить? В магазине нет — сухой закон...

Возле конторского крыльца трое чумазных пацанят возят по пыльной земле обрезки досок, усердно сопровождая это звуками, похожими на урчание автомашины. Мериван перешагнул через разъезженную «машинами» колею, поднялся на высокое крыльцо и отворил дверь. Изнутри повеяло прохладой с запахами бумажной пыли. В коридоре никого. За дверью в бухгалтерию бубнят женщины. Из открытой форточки слабо доносится ширкающий звук пилорамы, звучат редкие голоса рабочих. Где-то в окне жужжит одинокая муха. Дверь к директору открыта. Мериван прошёл к ней и заглянул внутрь. В дальнем углу, за столом, сидит Пётр Иванович, что-то пишет. Мериван остановился в дверном проёме и стал ждать.

Дописав бумагу и аккуратно отложив её в сторону, Петр Иванович глянул на посетителя поверх очков. Признав уважаемого ветерана, спросил участливо:

— А, Мериван Онкулевич. Что случилось?

Мериван сделал шаг вперед и объяснился:

— Иваныч, мне в тайгу надо. Нужны деньги. Аванс, хоть небольшой... За лыжи...

— А лыжи готовы?

— Три пары готовы. Камус вчера клеил... сохнут. Четыре пары осталось загнуть.

— Камус весь?

— Весь. Два куса не хватило, пришлось занимать у Сусана.

— Хорошо, хорошо... А в тайгу надолго?

— Не... дня три-четыре... Покорневать надо.

— Какая же корнёвка три дня?

— Я к себе... На участок... Я там корешок сажил... Давно уже. Решил выкопать.

– И что тебе в жару дома не сидится?.. Ну иди... Аванс... Двадцать рублей могу выдать.

Достав чистый лист, директор обмакнул перо в чернильницу и стал писать распоряжение бухгалтеру. Промокнул текст и протянул листок. Мериван приблизился, подхватил бумагу, кивнул головой в знак согласия и, качнувшись в сторону двери, остался на прежнем месте. Пётр Иванович, уже было собравшийся снова взяться за работу, вновь посмотрел на что-то ожидающего пришельца.

– Ещё что-то?

Стараясь смотреть в глаза директору, Мериван произнёс совсем тихо и доверительно:

– Иванович, мне нужна водка. Бутылка... У тебя нету?

Встретившись со взглядом, излучавшим одновременно неуверенность и решимость, директор произнёс с лёгким волнением:

– Случилось чего?

– Ничего... Корень нужно залить. Приболел малость.

Пётр Иванович вытянул губы и, уставившись в стол, задумался. В этот момент внимание Меривана привлёк портрет Владимира Ильича, висевший на стене прямо над головой директора. В пристальном взгляде вождя ему вдруг почудился Гулино. В этом взгляде одиночество и печаль. В груди у Меривана что-то задрожало, на миг ему показалось, будто стена поехала навстречу. К реальности его вернул вновь зазвучавший голос Петра Ивановича:

– Зайди вечером ко мне домой, есть у меня...

Мериван встrepенулся и, вторично кивнув в знак согласия, вышел из кабинета.

В пятом часу следующего утра Мериван был уже за околицей. Он небыстро ковлял по утоптанной дорожке в сторону ягодной мари. На этот раз одет был почти по-военному: в стёртые кирзовые сапоги, почти новые офицерские галифе и выгоревшую на солнце солдатскую гимнастёрку. В руках лёгкий посох, который подобрал возле перехода через протоку. За спиной старая поняга, к которой привязаны довольно объёмистый «картофельный» мешок и топорик. На голове замусоленная, некогда белая накидка пумпу, предохраняющая шею от укусов мошки и комаров.

Не доходя ягодной мари, он свернул на тропу и по ней вдоль края высокой бикинской террасы направился в восточном направлении.

К трём часам пополудни он добрался до поворота в сторону перевала на Додунгу. Очередной раз отдохнув у небольшого ручья, по тропе пошёл в гору, теперь уже в южном направлении. Одолев невысокий подъём, спустился к речке и вдоль неё вскоре вышел к зимовью.

Зимовье это было единственным на всей Додунге. Построено ещё в пятьдесят третьем, в год смерти Сталина. Сложить сруб помог двоюродный брат Пимка. Последний раз Мериван был здесь ещё по снегу в конце февраля.

За лето вокруг домика густо поднялась осока с крапивой. В чёрном проёме распахнутой двери чуть вздрагивает кривое колесо паутины. Внутри сухо. На железной печи горка песка, ссыпавшегося из-за прогнившей разделки. На столе старая, слегка выцветшая газета с портретом Хрущева, засеянная мышинным помётом и муравьиными опилками. На газете перевернутая кверху дном эмалированная кружка. На подоконнике стеклянная банка с солью, коробка спичек и жировой светильник. Вдоль стен на гвоздях алюминиевый чайник, кастрюля, решётка для выпечки пампушек да пара тронутых тлением тряпок.

Оглядев всё, Мериван снял понягу и, прислонив её к стене, присел на дровяной чурбачок, криво торчащий из земли напротив дверного проёма. Стянул с головы накидку, обтёр потное лицо. Подставил его мягкому солнечному теплу, льющемуся сквозь шевелящуюся листву молодых берёз. Когда стали одолевать комары, сорвал возле двери пучок осоки и, с трудом поднявшись, полез в дом. Там подмёл на столе и нарах, обмахнул со стен паутину. Затем под нарами отыскал ведро и поплёлся на речку за водой. Притащив воду, передохнул. Некоторое время походил туда-сюда в поисках посоха. Когда нашёл, пошибал им крапиву перед домом. Затем отвязал с поняги топор и принялся за заготовку дров. Натаскав и нарубив сучьев, разжёг небольшой костер и вскипятил в чайнике воду. Заварил чай, долго пил его, заедая размоченными сухарями. Утолив жажду, достал из-за пазухи заботливо

расшитую витиеватым узором сумочку-кисет паду и вынул из неё трубку. Набил её самосадам, закурил.

Пока курил, очередной раз прислушался к состоянию организма. Того острого жжения в груди уже не было, но глубоко вздохнуть не получалось. При вдохе отзывалась боль в левой лопатке. Ватная слабость в ногах ощущалась по-прежнему, тело было покрыто липкой испариной.

Вспомнив, зачем сюда пришёл, огляделся вокруг в поисках кедра, подходящего для проведения обряда. Вокруг домика рос в основном молодой ясень, среди крупных деревьев — лишь несколько белых берёз и тополя. Ближайшие шапки кедров просматривались на бугре, в сотне метрах к югу. Определившись с местом, стал обдумывать, как именно будет совершать обряд.

В детстве он часто наблюдал за старшими, когда они молились у зарубки пиу, но сам этого никогда не делал. Свой жизненный путь с юности он доверил вождям комсомола и ленинской партии. Был беззаветно предан великой Родине и ее руководству. И вот теперь он вдруг явственно осознал, что у него может быть кусочек собственной жизни, неразрывно связанной с жизнью своего маленького народа. Всё прошлое: армейская служба на границе, война с Японией, участие в разведочных операциях на территории Маньчжурии — всё показалось ему смутным сном. Потом вспомнилось, каким самоуверенным он вернулся после войны с орденом на груди, как любили его женщины. И что в итоге? Работал как все, сначала в столярном цехе, потом охотником. Женился трижды. От первого брака детей не было. От второй жены родился неудачный сын, глухонемой от рождения. Когда сыну исполнилось пятнадцать, жизненный путь его закончился. Самоубийство. Прошлой осенью после долгой болезни умерла третья жена. Она успела родить дочку, которая живёт в школе-интернате, дома почти не бывает.

Вместе с нахлынувшими воспоминаниями в груди у Меривана снова стало нарастать жжение. Сложив еду в мешок, он тяжело поднялся и полез в зимовье. Подвесив мешок к потолку, покидал на нары тряпки, какие нашёл на чердаке, привязал над ними полог и, забравшись в ситцевый мешок, погрузился в забытие.

С утра Мериван сварил рис, позавтракал, подострил осилком топор и отправился на бугор искать подходящее дерево. Бугор оказался намного шире, чем ему показалось издалека. Это была слабо наклонная поверхность ручьевого долины, примыкавшей к крутому склону. И долина, и склон горы были покрыты кедрово-еловым лесом с жёлтыми берёзами и клёнами. Метрах в пяти от ручьевого обрыва рос самый крупный кедр, сразу за ним ещё три, чуть поменьше. Земля под ними была покрыта подушкой из перегнивших листьев и бурой хвоей с шелухой от шишек. С южной стороны у большого дерева были остатки веток от старого гайно, когда-то в нём отдыхала дикая свинья с поросятами.

Мериван дотронулся рукой до шероховатой фиолетово-красной коры. Она была тёплой и источала горьковатый смоляной дух. Сверху, со стороны могучей кроны, донеслось чуть слышное шипение воздуха, струящегося сквозь плотную ризу хвои. Дерево ему понравилось. Отступив на полшага, он поплевал на руки и, несильно размахнувшись, всадил топор в податливую мякоть живой древесины.

Через полчаса в стволе в метре над землей появилось углубление в виде правильного ярко-жёлтого треугольника размером с тетрадный лист и глубиной в ладонь. Расчистив место под ритуальной зарубкой, Мериван выискал поблизости небольшой клён, срубил его, сделал четыре колышка с рогульками и десяток прямых палочек. Забив рогульки в землю под деревом, соорудил жертвенный столик дагю. Когда всё было готово, сунул топор за ремень и огляделся. Вроде, всё как надо.

Вернувшись к зимовью, снова зажёл костер. Потом принёс к костру большую кастрюлю и замесил в ней тесто. Раскатал тесто в жгут, нарезал из него пятнадцать кругляшков. Налил в кастрюлю немного воды и, опустив на её дно деревянную решеточку, поставил на огонь. Не прошло и получаса, как вынул из кастрюли первые пампушки булу. Когда были готовы все пятнадцать, разложил их на берёсте. Пошёл на речку, вымыл руки и поплескал на лицо. Вернулся в домик и обтёрся пологом. После этого достал из мешка халат тэгу и, надев его сверху на гимнастёрку, подпоясался верёвкой. За пазуху халата положил кружку и бутылку водки. Постукал по карману, проверяя спички. Осмотревшись в последний раз, поднял берёсту с лепешками и, осторожно ступая, направился к кедру.

Подойдя к дереву, опустился на колени перед жертвенным столиком. Аккуратно переложил на него лепёшки в три пирамидки по пять штук в каждой. Потом выставил на берёсту бутылку с кружкой. Достал из кармана гимнастёрки сухие веточки багульника сэнке, которые сорвал ещё вчера на мари, и сложил их рядом. Выбрав из веточек три самые толстые, воткнул их в пирамидки из лепёшек и поджёг спичкой, как свечи. Наконец он открыл бутылку и налил в кружку горячей жидкости. Обмакнул в неё пальцы, стал брызгать вокруг. Когда делал это, почувствовал прилив сил, по всему телу побежали мурашки. Отпил немного из кружки, поставил её на берёсту. Глубоко вздохнув, обратил худое, сильно почерневшее за лето лицо к вершине дерева и стал говорить вслух обо всём том, что продумал заранее. Сначала он сказал, что приветствует покровителя Буани, преклоняется перед духами предков и преподносит им еду. Потом налил водки ещё и, повторив все действия, обратился к духам с просьбой простить все грехи его и всех его близких. В третий раз он попросил за всех людей своего племени, чтобы духи не оставили их в беде.

Он не мог видеть, как в это самое время со стороны верховий Додунги стала быстро расти грозовая туча, первая за всё это необычайно жаркое лето. Как только Мериван закончил молитву, ему показалось, что с вершины дерева донёсся слабый звук колокольцев. С трепетным волнением он посмотрел вверх. В чуть дрогнувшей сине-зелёной башне из хвои послышался лёгкий гул. Это был предвестник надвигающегося грозового фронта. Мериван упал ниц и молился, пока грозовая туча не расползлась во всю ширь неба.

Хлестанувший вскоре с раскатами грома ливень закончился так же быстро, как и начался.

Под крышу Мериван вернулся промокший, но счастливый. В этот вечер впервые за много недель, а может, и лет, он ложился спать с лёгким сердцем.

Вскоре после того как Мериван вернулся в посёлок, покинул этот мир Гулино. Сам Мериван прожил ещё двадцать лет. Его единственная и любимая дочь народила кучу внуков. Почти все эти годы он продолжал охотиться на своем участке. На

месте старого зимовья ему помогли построить новое. И всё это время он никогда не забывал молиться перед священным деревом, просить помощи и благодарить, когда помощь приходила. Эта старинная удэгейская традиция постепенно передавалась молодым охотникам. У каждого из них теперь снова были свои священные деревья и свои родовые зарубки.

К зиме 2002 года лесовырубки подошли вплотную к додунгинским покатым. С востока от Додунги уже несколько лет велись работы по строительству автомобильной трассы краевого значения. Снующие по ней автомашины всё чаще и навязчивее нарушали вековую тишину своим утробным ворчанием.

Территории к западу от дорожного полотна, в том числе и весь бассейн Додунги, достались на вырубку национальному предприятию «Бикин», которое считалось преемником давно распавшегося госпромхоза. Понукаемые нуждой после затяжной экономической перестройки, удэгейцы, долго не желавшие браться за работу, связанную с разрушением тайги, постепенно смирились с новым для них видом бизнеса, который оказался весьма прибыльным. С каждым годом число желающих поправить своё материальное положение за счёт продажи леса стало медленно, но неуклонно расти. Чтобы не разжигать ажиотажа и не вызывать лишних разговоров, в национальную бригаду лесорубов принимали только проверенных людей. Осознавая щекотливость своего положения, почти все члены бригады понимали, что уж коли не рубить лес нельзя, то делать это нужно с умом и наименьшими для тайги потерями. Костяком бригады были опытные вальщики и мотористы в основном с Верхнего Перевала и Ясенёвого, которые уже помногу лет работали в лесной промышленности. Большинство из них выходцы из смешанных семей, носили русские и украинские фамилии. Тем не менее все они категорически относили себя к удэгейскому этносу.

К февралю бригада Игоря Кукченко начала осваивать левый склон Додунги как раз в том месте, где находилось зимовье Меривана. Хотя самого старика уже давно не было в живых, почти каждый местный житель знал, что эта территория когда-то была участком, где охотился дед Мериван, и что это

зимовье его. Сначала зимовье поддерживали преемники старого охотника, но когда трасса подошла совсем близко и охотничий участок потерял былую привлекательность, крышу на домике латать перестали, и оставленное без присмотра таёжное жильё стало быстро ветшать.

Утром четвертого февраля вахтовая машина, подвозившая лесорубов на деляну, въехала на верхнюю площадку, расчищенную на пологом склоне Додунги примерно в километре ниже охотничьего зимовья. Когда все вылезли из машины, бригадир указал рукавицей на заснеженный, покрытый уже прореженным лесом склон и объявил, что сегодня предстоит деликатная работа. Необходимо аккуратно срезать и вывезти сто пятьдесят кубов кедровника. Несмотря на морозную дымку, тёмное пятно кедровой куртины хорошо просматривалось на сером фоне основной массы леса. Было видно даже, как над самой большой кедровой шапкой кружились птицы: похоже, вороны нашли падаль — остатки кем-то убитого зверя.

Мастер леса Леонид Погореленко первым направился на обход деляны, чтобы отобрать и пометить нужные деревья. Недалеко от старого зимовья, поднявшись на террасу, он сразу заметил на кедре сильно оплывшую зарубку в виде правильного треугольника. Потрогав её рукой и осмотревшись, понял, что зарубка ритуальная, вполне возможно, деда Меривана.

— Эх и кедр, — услышал он за спиной слова подходящего сзади самого опытного в бригаде вальщика Фёдора Уксуленко, — жалко такие трогать. Но жить-то надо. А, Леонид?

— Жить всем надо... Вот что, Фёдор, этот кедр не трогай. Тут зарубка особая, нельзя его трогать.

— Нельзя так нельзя. Ты помечай, помечай. Моё дело выполнять указания.

Леонид прошёл к следующему дереву и, найдя его вполне пригодным, пометил топором. Подошедший следом Фёдор сбросил с плеча пилу, достал пачку «Мальборо» и закурил. Вскоре подспели второй вальщик и чекеровщики. Стараясь попадать след в след, они гуськом подались за ушедшим вперед лесником. Один из них с топором за поясом остался с Фёдором.

Как только люди отошли на безопасное расстояние, Фёдор завел пилу и начал резать клин. Первое дерево качнулось и, лишь чуть задев сучками стоящие рядом кедр, пошло к земле в намеченное место. Только Фёдор успел сделать шаг назад, как сверху вместе с оседающей лавиной снежной пыли на то место, где он только что стоял, шлёпнулся увесистый сучок, слегка задев суконную куртку на плече. Посмотрев вверх, потом на упавшую сухую ветку, Фёдор покачал головой и крикнул напарнику: «Так вот и погибают на таёжном фронте». Около следующего дерева он вёл себя уже осмотрительнее.

К обеду все помеченные кедр были спилены. Лесорубы тюкали топорами и жужжали пилами, заканчивая обрабатывать последние деревья. Трелёвочный трактор рывал дизелем, гремел брёвнами.

Затянув лебёдкой себе на спину очередную партию кедровых хлыстов, железная машина загудела ровнее и потащилась вниз по склону. Спустившись на ручьевую террасу, трейлер с натужным скрежетом стал разворачиваться у одиноко стоящего кедра. Его водитель, Семён Уза, увидел спускающегося по тропе Фёдора, сбросил газ, взвизгнул клаксоном и, высувшись из кабины, поманил вальщика рукой.

– Федя, глянь, ну мешают этот кедр. Из-за него не развернуться толком. Срежь ты его ради всех святых. Я же три дня буду так возить.

– Мастер сказал, нельзя его пилить. Тут зарубка какая-то.

– Что вы как дети малые носитесь с какими-то зарубками. Хотите последний трейлер угробить...

Сдвинув шапку на затылок, Фёдор осмотрел место. Разворот для трейлера дерево явно стесняло: у склона кедр не объедешь из-за выскоря, с другой стороны совсем близко обрыв к речке.

– Да, тесновато... Ладно, спилю... Деревом больше, деревом меньше... Завтра... Сегодня уже ветерок поднялся. Подъедем с утра вместе и первым делом его вытащим.

С утра пятого февраля Фёдор подъехал к кедр в трелёвочнике вдвоём с водителем. На всякий случай в этот раз поверх шапки он надел каску. Тайга есть тайга: за семнадцать лет

работы вальщиком он уяснил, что далеко не все шутки в ней уместны. Спрыгнув на дорогу, достал следом пилу и пошёл к дереву. Некоторое время походил вокруг, обламывал кусты и утаптывал снег. Огляделся, куда лучше валить. Могучий, почти в два обхвата колосс стоял на удивление вертикально.

Отточенными за многолетнюю практику движениями Фёдор установил шину в горизонтальное положение, завёл пилу и привычно упершись в неё ногой, погрузил бегущую цепь в комель дерева. Выпилив из комля почти метровый клин, начал обпиливать дерево кругом. «Красиво работает», — подумал Семён, наблюдавший с безопасного расстояния за ловкими движениями вальщика. Почти отпиленное дерево продолжало упорно стоять, не подчиняясь воле человека. В голове Фёдора тут же созрел план повалить на кедр стоящую неподалеку берёзу, чтобы та своим весом толкнула упрямое дерево в нужном направлении.

Слегка наклонная берёза стала падать, когда шина прорезала лишь две трети её комля. Как только она уперлась в крону кедра, исполин дрогнул и медленно стал разворачиваться, захватив ветви берёзы. Под напором чудовищной силы берёза закрипела. В этот миг Фёдор, ощутив опасность, бросил пилу и побежал. Он успел сделать лишь несколько шагов. Скручиваемая и одновременно удерживаемая с комля промороженная берёза лопнула. Сколовшийся повдоль отщеп молнией мелькнул за убегающим человеком. Раздался хлопок, какой бывает, когда пуля попадает в лопатку зверя. Наблюдавший всё это со стороны Семён успел заметить, что Фёдор упал, как подрезанный. Через несколько мгновений огромный кедр, ломая ясени и клёны, со стоном грохнул о наледь попёрек ручья.

Когда Семён подбежал к товарищу, тот лежал ничком в снегу. Неестественно откинута в сторону от средней части бедра нога была явно сломана. Из раны обильно шла кровь, растекалась по зелёному сукну изнутри бурым пятном. Развернув Фёдора на бок, Степан выхватил из своих брюк ремень, намотнул его на бедро выше раны и стянул жгутом. Потом побежал к трактору и громким звуком клаксона стал подавать условные сигналы. Минут через двадцать со стороны верхней площадки подъехала вахтовка. Выбежавшие из неё люди подхватили Фёдора на руки.

Уже через полчаса он лежал на кровати в ярской больнице. Ему поменяли жгут, обработали рану и сделали обезболивающие уколы.

Операцию делали в хирургическом отделении районной больницы уже вечером. К сожалению, ногу спасти не удалось. Слишком значительными оказались разрушения. От сильного бокового удара кость рассыпалась на мелкие кусочки, словно фарфоровая.

Утром следующего дня на сваленном кедре обрубили сучья, потом его зачекеровали и потащили на верхний склад. Там дерево распилили, погрузили на лесовоз вперемешку с другими брёвнами и повезли в посёлок.

В деревне лесовоз, как обычно, свернул на центральную улицу. Недалеко от дома Меривана при объезде стоящего у обочины трактора машина не вписалась в дорожное полотно. Левая задняя колёсная пара съехала с накатанной снежной бровки. Нагруженные до предела колёса стащило в водоотводную канаву, и машина с лесом медленно завалилась на бок, проломив забор в огороде и рассыпав брёвна.

После этого события в бригаде лесорубов упорно поползли слухи о заговорённом дереве. Возможно, эти слухи улеглись бы сами собой, но через некоторое время пожаловался на боли в сердце Семён Уза, водитель трейлера. Забеспокоившийся бригадир направил его в недельный отпуск домой, в посёлок Ясенёвый. Через десять дней водитель вернулся молчаливый, сильно похудевший, с тёмными провалами под глазами. Ещё через три дня, после ужина, ему стало совсем плохо. Все попытки снять сердечный кризис были безуспешными. Он умер, не приходя в сознание.

Тело его увезли в Лучегорск, где было проведено вскрытие. Медицина констатировала обширный инфаркт и разрыв клапана сердца.

После смерти Семёна лесорубы запаниковали. Большинство из них наотрез отказались работать до тех пор, пока начальство не решит возникшую проблему. Директор предприятия, поскольку сам был родом из Красного Яра и хоро-

шо знал «шаманские заморочки», какое-то время пребывал в шоке. Поразмыслив, он решился, наконец, свозить на деляну людей, разбирающихся в шаманских обрядах.

Все старики в один голос указали на бабу Дусю Кялундзига, сообщив при этом, что в их роду был подобный случай лет сорок назад. Несмышленные дети случайно разорили найденный на краю посёлка домик сэвохи джугдини с деревянными и соломенными куклами. В итоге, пока разобрались, что к чему, от несчастных случаев в течение месяца погибли три мальчика.

Баба Дуся сразу поняла, что от неё требуется. С собой на деляну взяла двух пожилых помощниц. Первым делом женщины осмотрели оставшийся пень от дерева, походили у старого зимовья. Потом указали, где сделать новую зарубку на ясене недалеко от того места, где раньше стоял кедр. Такую же зарубку они попросили сделать на кедре возле посёлка лесорубов. После всего этого разожгли костёр и наготовили лепёшек булу. У каждого отмеченного дерева они положили дары, воскурили багульник сэнке, побрызгали водкой и обратились с просьбой к духам принять дары и не держать зла на людей.

После свершённого ритуала страсти где-то в неведомых нам пространствах утишились и прерванная нить времени между поколениями таёжных людей снова была восстановлена.

Владивосток, апрель 2002

МАЯТА

Со стариком удэгейцем по прозвищу Маята последний раз я виделся летом 1977 года на Тракторной мари, когда отрабатывал в госпромхозе «ягодную повинность». В ту пору называли так нововведение дирекции, которое обязывало каждого охотника сдавать на заготпункт не менее двухсот килограммов любой дикой ягоды. С теми, кто не выполнял этого задания, ввиду избытка желающих получить на зиму охотничий участок, дирекция оставляла за собой право не заключать договор на промысел пушнины.

В Красный Яр я прибыл лишь к концу августа, когда сбор голубики в госпромхозе был почти завершен. Приехал на своей лодке из Улунги, где жил и охотился в те годы. Ни охотова, ни директора на месте не было: мотались по делам. Начальник участка, удэгеец по фамилии Уза, на вопрос запоздалого сборщика: «Где взять тару?» ответил коротко и ясно: «Езжай на Тракторную. Там Маята стоит. У него бочку возьмишь. Ягода уже сышется, но собирать ещё можно».

Маяту я знал давно и был рад, что не придётся работать в одиночестве.

Уже через час, закупив в магазине провианту дня на три-четыре и пару бутылок водки, я погнал свою лодку вниз по течению.

Река в этих местах спокойная: ни порогов, ни заломов. Время было полуденное. Торопиться некуда, поэтому ехал не быстро, так, чтобы движение в меру освежало. Поначалу я с любопытством рассматривал берега. В этих местах они то высокие, покрытые густой черневой тайгой, иногда сменяемой березняками и лиственничными рединами, то низкие, густо заросшие чозениевыми лесами. Потом, вспомнив, что в это время на косах могут греться на солнце черепахи, стал всматриваться в берег в надежде увидеть хотя бы одну. Вскоре на песчаной косе, у самой кромки воды, рядом с колышком от рыболовной сети, заметил нечто, напоминающее черепаший панцирь. Как толь-

ко я попытался изменить курс, чтобы подплыть ближе, похожая на камень животина шевельнулась и на удивление шустро скользнула в воду. Мой интерес к этим путливым тварям пропал. Чуть прибавив газ на румпеле, я устремил взор в даль, погружившись в воспоминания, связанные со стариком удэгейцем по прозвищу Маята.

Маяту на реке, по меньшей мере от Верхнего Перевала до Улунги, знали почти все. Не столько потому, что он слыл героем Отечественной, к этим его заслугам большинство людей относилось равнодушно, просто потому, что люди, проплывая на лодках по своим делам мимо одинокого шалаша на речной косе, знали — это жильё чудака Маяты. О нём ходило много всяких слухов, в которых трудно было отделить правду от вымысла. Мне же этот старик ещё с первых встреч показался человеком очень необычным.

Маята редко появлялся в деревне, где у него из родственников был единственный брат. Летом он обычно жил на реке, переталкивался шестом от косы к косе в своей старенькой лодке, выдолбленной из тополевого бревна. Питался он в основном рыбой, которую бил острогой или ловил своими вечно дырявыми сетёнками. Хлеб, соль и спички выменивал на улов. Иногда старику удавалось застрелить зазевавшегося изюбря из своей перемотанной проволокой одностволки. Тогда находились деньги, чтобы купить рыболовную снасть, что-нибудь необходимое из одежды или снаряжения. На зиму Маята обычно напрашивался к кому-нибудь из охотников в помощники.

К недостаткам Маяты можно было отнести его страсть к выпивке, а также периодически проявлявшуюся в нём странность, которая состояла в том, что он мог ни с того ни с сего на какое-то время бросить все дела и погрузиться в отрешённое самосозерцание. В такие периоды с ним трудно было общаться, он почти ничего не ел и не разговаривал. Такие вещи, хоть и редко, случались с ним даже зимой. Зная за собой такую странность, старик не любил беспокоить людей и старался держаться от них на расстоянии. Возможно, что причины его отшельничества были и иными.

Сначала мне вспомнился случай, как в феврале того же семьдесят седьмого года мы воскресили Маяту из мертвых.

После окончания охотничьего сезона мне срочно нужно было попасть на большую землю, и я договорился уехать из Улунги вместе с охотоведом, который приезжал туда со своим помощником на снегоходе. К концу дня в районе Каялу, примерно на середине пути до Красного Яра, наш снегоход основательно влетел в наледь. Ничего не оставалось, как заворачивать в ближайшее зимовье раньше времени и ночевать. Позавчерашний снег вокруг жилья был девственно чист, из чего следовало, что хозяев в нём нет. После того как закипел чай, и мы, громко разговаривая, мирно уселись отужинать, за спиной моих спутников, в тёмном углу на нарах, под грязными лохмотьями, вдруг кто-то заворочался. Мы окаменели и с открытыми ртами уставились на груды тряпок. Шевеление под ними повторилось, и даже послышался какой-то звук. Показаться явно не могло. В мгновение мы оказались на улице, каким-то образом просочившись почти одновременно через совсем не большой дверной проём. Шутки шутками, но случаи, когда медведишатуны забирались в зимовья и засыпали там, всем охотникам на Бикине были известны. Держа наготове кто топор, кто ружьё, приготовились отразить нападение хищника, однако медведь появляться отказывался. Постепенно мы успокоились и, наполовину протиснувшись внутрь, стали светить фонарями в угол, при этом истошно гукая. Вскоре из кучи серых тряпок появилось лицо человека, глядящее куда-то мимо нас. В нём мы не сразу признали Маяту.

Как потом оказалось, Маята в очередной раз погрузился в своё странное состояние и пролежал так, не вставая, больше суток. Слава Богу, морозы уже не лютовали, и старик просто впал в оцепенелое забытьё. Кое-как мы отпоили его горячим чаем. Утром, убедившись, что Маята окончательно ожил, отправились дальше. Ехать с нами в посёлок он отказался наотрез.

Живо представив, какие напуганные были у нас рожи в момент воскрешения из мёртвых, я вдруг так расхохотался, что чуть не выпал из лодки.

Вослед за смешным вспомнилось грустное. В Улунге одно время жил охотник по прозвищу Болт. Прагматичный и жадный до денег, он каким-то чудом отхватил огромный охотни-

чий участок в верховьях реки Улунги. Разговорившись как-то со стариком, Болт смекнул, что деда можно выгодно припахать. Старик вполне может заниматься дровами, варить еду, мездрить пушнину, строгать лыжи и делать ещё кучу дел, времени на которые на промысле всегда не хватает. И всё это бесплатно. Отзывчивый на просьбы людей, к тому же давно мечтавший побывать в истоках Улунги, Маята согласился на предложение. Однако масштабным планам смелого таёжника из города сбыться не довелось. Буквально через три дня после того как они добрались вертолётom на участок, самонадеянный Болт умудрился сломать себе ногу. Переходя с большим грузом реку на перекате, он оскользнулся и неудачно упал. Нога попала между камней, и кость лопнула в лодыжке. Состояние Болта было не шутейное. До посёлка по тропе почти девяносто километров. Старик-удэгейец этого района не знал совершенно. Запаниковавший Болт взмолился: «Батя, выручай, не дай погибнуть во цвете лет». Как потом рассказывал сам Болт, дед помог ему наложить на ногу фиксирующую повязку, натаскал в зимовье дров и, взяв только спички и своё старенькое ружьё, ушёл в посёлок за подмогой. В посёлке старик был уже утром следующего дня. Когда Маята зашёл на метеостанцию, чтобы передать просьбу о помощи от попавшего в беду охотника, выдавший всякое местный начальник, оценив взглядом изодранную сучками одежду на старике, спросил: «Ты чё, дед, ночью шёл что ли?». На что тот ответил: «А как же, там же человек помирает».

Человек не помер. В тот же день прилетел вертолёт и благополучно доставил потерпевшего в больницу. А дед так и остался на зиму в посёлке, пригревшись на этот раз возле метеостанции.

Самым удивительным рассказом, который мне довелось слышать о Маяте, был рассказ об умении старого удэгейца ладить с дикими зверями. Среди охотников давно ходили слухи, что Маята может заговорить любого зверя, даже тигра. Один из таких случаев, который рассказывали охотники, произошёл еще в пятидесятых годах. В то время Маята охотился на Тахоло вместе со своим сверстником Ингелеем. Как-то друзья наткнулись в тайге на тушу только что добытого тигром кабана, которого хищник ещё не успел отведать. Почувяв прибли-

жающихся людей, тигр на всякий случай отошел от своей добычи. Дело было в марте, и все запасы продуктов у охотников подоистожились. Кабанья туша была как нельзя кстати. Обрадованный Ингелей достал нож, чтобы нарезать свежего мяса, но Маята схватил его за руку: не мы добыли, не нам и трогать. Ингелей стал обвинять товарища в трусости. Мол, ты чё, боишься тигра, «да пусть только сунется, мы ему покажем, где деньги зарыты». Но Маята был непреклонен. Дело дошло чуть не до драки. Маята так и не дал Ингелею прикоснуться к мясу. Каково же было их удивление, когда примерно через неделю, проснувшись утром в зимовье, они обнаружили под окном с той стороны, где спал Маята, следы тигра и тушку только что задавленного им барсука. Хозяин тайги явно отблагодарил Маяту за то, что тот не разрешил Ингелею забрать законную добычу тигра. Как тигру удалось узнать, что именно Маята оставил ему мясо, осталось загадкой.

Мать Тракторная, наречённая так ещё в апогей коллективизации, как и всё голубичные мари в этих местах, представляла собой широкое сырое пространство в речной пойме, заросшее кустарником голубики вперемешку с таволгой, болотным багульником и козьей ивой. Из деревьев в таких местах обычно растут в основном лиственницы, иногда с редкой примесью берёзы. Со стороны реки к мари высоким зелёным валом подступали молодые чозенники.

Жара почувствовалась сразу, как только лодка ткнулась в берег. На косе, напротив ягодной мари, стояло около десятка остовов для накомарников из тальниковых жердей. На нескольких из них были укреплены самодельные пологи из яркого ситца. Все кусты в округе утоптаны, словно по ним прогнали роту солдат. Кое-где виднелись кучи увядших веток, редкие обрывки газет и высохшие ленты тальникового лыка.

Накомарник Маяты стоял поодаль основного «городка», в устье старичной протоки. Из-под серого ситцевого мешка торчали такие же серые, с кручёными жилами ноги самого Маяты. Рядом в тени, вывалив язык, сидел чёрный лохматый пёс. Недвижимый воздух, казалось, был мутен и тягуч. Пахло кислой ягодой и кострищем.

Край полога зашевелился и приподнялся. Оттуда показалось мясистое, усыпанное оспинами варёное лицо с редкой щетиной на подбородке, толстыми губами и маленькими пронзительными коричневыми глазками в узких прорезях. Сколько лет его обладателю, угадать было невозможно. Пока хозяин рассматривал гостя, пёс закрыл пасть и насторожился. Наконец лицо исчезло. Снова показали ступни ног, потом задница, обтянутая засаленными штанами, за ней — голая, узкая, на удивление ещё гладкая спина цвета сдобренного молока шоколада, худые жилистые руки и, наконец, большая, покрытая короткой седой щетиной голова на тонкой жилистой шее. Поднявшись во весь свой полутораметровый рост и изобразив на лице счастье, насколько это было возможно, Маята запел:

— О...её. Кого я визу. Родной друга приехал.

— Здорово, старина. Отдыхаешь?

— А...а. Ни говори, друга. Я им говорю, засем спесите. Зара вон какая. Не...е...т. Торопятся, спесат.

Подтянув повыше лодку, я принялся выбрасывать на косу привезённое барахло.

— Сидас, сидас, — услужливо запричитал Маята, кинулся к ближайшему свободному остову и вскоре притащил оттуда жерди для накомарника.

Пока я устанавливал полог, Маята суетливо помогал, шумно дыша. Увидев мелькнувшую в моём рюкзаке бутылку, остановился. Постоял немного в раздумье. Потом вдруг кинулся к своему жилью. Вскоре оттуда стали доноситься его ругательства. Я оставил в покое рюкзак и стал наблюдать за действиями приятеля. Маята, вспоминая чью-то мать, выскочил из своего полога и стал лазить по кустам. Похоже, что-то искал. Наконец он вылез на косу, держа в руках пустой котелок, и объяснился.

— От скатина. Такой капитальный маны был. Все съела, суцье вымя.

Подняв хворостину, кинул её в сторону собаки.

— Пасла отсюда.

Убедившись, что собака удалилась, некоторое время он стоял, что-то соображая, потом, прихлопнув ладошкой по макушке головы, проговорил:

– Ладна, сицас рыпки заталахоним.

Снова полез в кусты, на этот раз туда, где просматривался залив, перегороженный цепочкой берестяных поплавок.

С мари на косу стали подходить люди – работники лесхоза. Первым появился молодой стройный удэгеец в повязанном на голове белом платке, в синем спортивном костюме и коротких резиновых сапогах. На спине его еле умещалась наполненная доверху ягодой берестяная торба. За ним, беспрерывно обмахиваясь, вышли две женщины в белых косынках, белых, измаранных ягодным соком, будто окровавленных, рубашках, заправленных в чёрные ситцевые шаровары. У той, что постарше, на спине был такой же короб, другая несла вёдра. Даже издали было видно, что женщины сильно устали. Едва переставляя ноги, все трое скрылись среди чозений, за которыми просматривались деревянные бочки. Вскоре на косу вышли ещё двое сборщиков. На этот раз взрослые мужчины. Они прошли совсем близко от меня. Оба в промокших от пота энцефалитных костюмах. Местные охотники эту одежду метко называли «сифилитниками». Увидев на косе нового человека, люди поздоровались кивком головы, так и не сменив страдальчески-свирепого выражения на лицах.

Не прошло и четверти часа, как задымились костры. Постепенно лица людей отмякли. Засветились улыбки. Женщины, сбившись у костра, принялись готовить пищу. Мужики, тихо переговариваясь, полезли в воду.

Я тоже освежился в реке и прилёг на горячие камни возле костра. Пока варился рис, Маята осмолил на огне принесённых с залива чебаков и мелко крошил их на плоскости весла. Посолив сырую рыбью мякоть, поднёс закуску к костру. Аккуратно установил весло на камнях. Получилось нечто вроде стола. Проверил надёжность сооружения лёгким нажатием руки, принялся искать кружки. Когда всё необходимое было рядом, он наконец успокоился. Немного посидел для приличия. Всё-таки не выдержал моей преступной медлительности. Поводив рукой по коротко остриженным волосёнкам на голове, начал намекать разговором:

– Закуски-то, закуски. О...её...ё, мильёны.

Я намёк понял.

– Может, не стоит спешить? К вечеру попрохладнеет, а?

– А мы по грамулецке, – маленькими, почти детскими пальчиками проиллюстрировал расстояние в несколько миллиметров.

Пришлось вставать и нести с реки заранее положенную в воду бутылку. Маята принял её бережно, словно дитя, и, отковырнув жёлтым зубом алюминиевую пробку, плеснул на самое дно кружек. Зажав свою посудину в ладошках, произнёс:

– За встречу. Я всё думал, как вы меня тогда насли. Замёрз бы... Сердесный ты музык. Гэ!

Стукнув кружкой о кружку, я ответил:

– Будь здоров.

К ночи, когда в бутылке оставалось ещё больше половины, Маята уже успел побывать в стельку пьяным и вздремнуть рядом с потухшим костром. Я тоже, слегка разомлевший на жару от выпитого, заснул в своем пологе и не заметил, как наступил вечер. Проснувшись, вылез на воздух и принялся раздувать огонь, чтобы вскипятить чаю. Треск сучьев разбудил Маяту. Он зашевелился и сел:

– О е...ё, узе ночь. Нада зе так упиться. Совсем старый, никудысний.

– Сколько ж тебе лет? – спросил я старика, перестав дуть на угли.

Маята посмотрел куда-то в небо, вроде там что-то было написано, и через некоторое время ответил:

– Вроде, семьдесят два. А мозет... семьдесят три.

– Да, возраст. Слушай, старина, я слышал, у тебя орден есть. Это за Отечественную?

– А...а, ницё особенного. Воевал как все. Рансье белку стрелял, потом самураев стрелял. Ты знаес, я тебе так сказу: убивать людей даже на войне ницего хоросого. Его, дурака, умирать кто-то науцил, и мне деваться некуда – тозе помирай. Глупый народ. Цё ни зивётся. А...а, луцсе не вспоминать.

Он махнул рукой и, привстав, дотянулся до бутылки. Плеснул себе в кружку. Выпил. Сморщился весь, сложил губы трубой и, выпустив воздух, проговорил:

– Ух и крепкая, собацья дуса.

Когда загорелись ярко и почти бесшумно тальниковые сучья и незаметно подкравшаяся августовская ночь накрыла маленький костерок чёрным колпаком, Маята заговорил снова.

– Однако, помру я.
– Удивил, все мы там будем.
– Не...ет. Ты есё не помрёс. Ты есё молодой. А я помру. Я цусствую.

– Как же ты чувствуешь?

Обтерев рукавом комаров на лице, Маята тише обычного ответил:

– Болсой Саман мне сказал.

– Какой такой шаман? Сколько живу здесь, ни разу не слышал, чтобы среди удэгейцев Большой Шаман был.

– Э...э, нициво вы не знаете. На Бикине много саманов. Они все зивут здесь. Иногда я разговариваю с ними.

– И что же они говорят?

– Они сердятся. Люди забыли свои обыцаи. Если удэгейцы не вспомнят свои обыцаи, их здёт большая беда. Я сказал об этом людям. Никто не верит. Все смеются.

Я был не готов продолжать эту тему. Спросил лишь:

– А как ты считаешь, Бог есть?

– Бох кругом: в лесу, в реке, в людях, – расставив руки, повёл ими вокруг.

Мне вспомнилось умение Маяты общаться с дикими зверями, и я решил спросить об этом.

– А, Куты Мафа? – понял он наконец, что я спрашиваю о тигре.

– Его действиями тозе управляет Болсой Саман.

Не совсем поняв в тот момент, что старик имеет в виду, я попытался перевести разговор в другое русло.

– Слушай, старина, а дети у тебя есть?

Маята долго не отвечал. Снова налил водки и выпил. Посидел, уткнувшись лицом в ладони, вздохнул, поднял голову и заговорил:

– Зены у меня не было. С зенсинами гулял. Но никто не родился. Раньсе я всех любил. Сицас нет. Поцему, не знаю.

Сцепив на коленях руки, он умолк. Помолчав некоторое время, совсем обезоружил:

– Када любис, хоросо...о, када не любис, сердце боли...и...ита.

В отблесках костра его лицо в этот миг казалось выгесанным из сгорелого кирпича. За ним в чёрном небе светящимися точками мерцал космос.

На следующий день, лишь чуть забрезжил свет, я вылез из своего полога, быстро оделся, напился прямо из реки, натянул на голову капюшон сифилитника, чтобы не грызли братья меньшие, взял в руки приготовленные с вечера ведра и, вдохнув полной грудью, нырнул в росный таволожник: отправился зарабатывать себе право распоряжаться в течение целой зимы хоть маленьким, но собственным участком бикинской тайги. В те времена она ещё казалась безбрежной.

Той же зимой Маяты не стало. Его тело нашли в его же лодке. Старик лежал одетым во всё самое лучшее, что у него было.

Владивосток, 1999

ВЫЙТИ ИЗ РАЗРУШИТЕЛЬНОГО ШТОПОРА

Владивосток, 5 марта 2002 г. Один из залов в здании краевой администрации. Идут депутатские слушания на тему устойчивого природопользования в бассейне реки Самарги в связи с лесопромышленным его освоением. Слушаю докладчиков, вспоминаю, размышляю.

Всего полтора столетия назад цивилизованный мир открыл для себя богатейший и неповторимый мир Уссурийского края. Очарованные невиданным изобилием дикой природы, первопроходцы прочили этой земле большое будущее.

Ещё полстолетия назад обширные территории в Сихотэ-Алине занимали первозданные кедрово-дубовые леса. Даже в послевоенные годы в этих лесах ещё паслись немеренные табуны диких кабанов, множились несметные полчища белок и других грызунов, служивших кормом целой армии ползающих, бегающих и летающих хищников. Сегодня в Сихотэ-Алине табун кабанов численностью свыше десяти особей уже редкость. За весь сезон современный охотник добывает столько белок, сколько его дед добывал за день.

Столь резкие изменения продуктивности наших лесов произошли потому, что площадь коренных кедровых насаждений в них сократилась почти на две трети от той, что была в начале XX столетия. На обширных территориях, там, где ранее росли «хлебные» кедровники, их место заняли менее ценные березняки, дубняки и ельники. Вместе с кедровниками резко сократились запасы сопутствующих реликтовых, в том числе редких, видов флоры и фауны.

Страшный перелом в судьбе кедровых лесов Сихотэ-Алиня произошел в семидесятых-восемидесятых годах, в апогей холодной войны и поляризации мира. Советский социализм, удерживая военно-промышленный паритет, стал задыхаться от нехватки валютных средств, и правительством было принято решение продавать любые виды ликвидного сырья, в том числе ценные сорта древесины. Японским бизнесменам идея приобретения у

соседей качественного и дешёвого леса показалась интересной. Тонким ценителям природы древесина божественного дерева явно была по вкусу. Покупатели придирчиво копались в брёвнах, зорко следили, чтобы не подсунули с сучками или с подпорченной корой. Для вывоза столь больших партий леса-кругляка деловые японцы соорудили гигантские баржи, которые толкали могучие океанские буксиры. Ещё многие владивостокцы, наверное, помнят, как тысячи кедровых бревён, ссыпаемых в эти баржи, смотрелись бесчисленными спичками. В Японии большая часть этого леса топилась в море. Складывали про запас. Таким вот образом за каких-нибудь два десятка лет спилили и продали за бесценок практически половину всех зрелых кедров, коренным образом изменив структуру тайги и состав её обитателей. В итоге приблизительно с середины восьмидесятых годов знаменитая на весь мир уссурийская тайга фактически перестала существовать. Бездумным созерцанием десятилетиями творившегося преступления мы украли чудо-леса не только у самих себя, но также у своих детей и внуков.

В начале девяностых годов многие задумались, некоторые осознали содеянное преступление, причём не только в России, но и за морями. Заговорили о спасении остатков бывшего природного богатства. Резонанс в народе был столь велик, что рубки кедра были запрещены не только на территории Приморья, но вскоре и по всей Российской Федерации. Краевая администрация Приморья под давлением учёных и общественности утвердила экологическую программу, которая предусматривала резервирование последних участков неосвоенной тайги, в частности по Бикину и Самарге, как этнических территорий. Перевод этих территорий в статус природоохранных специально не оговаривался, но и не исключался. Так появился шанс придумать и реализовать на этих территориях вариант устойчивого природопользования без ведения рубок главного пользования.

Прошёл ещё десяток лет. За эти годы успели поколебаться и даже смениться на противоположные многие наши ценности. Немалая часть божественных деревьев, затопленных в Японском море и уложенных в шпалы на просторах России, успела догнить. В Сихотэ-Алине побывали толпы «зелёных» бизнесменов и сочувствующих со всего света. И за это долгое, спрессованное в целую эпоху десятилетие у всех нас так и не нашлось мудрости,

чтобы объединить усилия для спасения от очередного разорения одного из последних первозданных кусочков знаменитой на весь мир тайги. Именно от разорения, других исходов «устойчивого лесопромышленного освоения» территорий в нашем отечестве я не наблюдал. Правда, слышал о таком где-то за морями, откуда кинулись к нам за спасением биоразнообразия (на самом деле сначала у себя это разнообразие извели, потом ужаснулись содеянному и кинулись спасать то, что у других осталось).

За четыре часа слушаний высказалось пятнадцать докладчиков. Судя по тому, как и что они говорили, можно сделать вывод: за последние годы мы стали грамотнее, терпимее. Научились «сеять в народ» умные слова. Слушая их, я даже готов был поверить в «неистощительную мечту». Но почему же на территории, которую ещё не успели испортить? Почему бы для начала не попробовать на той, что уже испоганили? Среди главных аргументов, якобы неизбежно подталкивающих лесопромышленников именно к Самарге, отсутствие средств на авиалесоохрану и угроза «оккупации» речного бассейна беспредельщиками из соседней губернии. Есть и те, кто в освоении Самарги усматривает единственный шанс спасения от голодной смерти и культурного обнищания забытой Богом и властью горстки удэгейцев.

Что касается сердобольной заботы о пропадающей культуре, то тут явное лукавство. Удэгейцы пронесли свою культуру через тысячелетия только благодаря своей разобщенности с миром. Самый быстрый путь уничтожения чудом уцелевшего «дровяного очага реликтовой культуры» — это подвести к нему «дармовой огонь газовой горелки». И если на идейном фронте за Самаргу можно было бы повоевать, то в отношении денежного аргумента в условиях беспредела в законе пока мы оказались недееспособными.

Это высокое собрание необычайно ярко, как мне кажется, высветило старую как жизнь истину. Историю творят не вожди и не специалисты, она складывается из деяний всех. Направление и скорость этого суммарного движения определяются мерой совести в каждом из нас и стремления что-либо изменить в этой жизни. Если к этому добавить желание услышать друг друга, то мы преодолеем инерцию разрушительного вихря.

Владивосток, сентябрь 2002

ВСТРЕЧА НА КАТЭНЕ

Небо на востоке уже начало розоветь. Ещё недавно яркая Венера поблекла, её световой след вот-вот растворится в зареве нового дня.

На вершине круглой горы, в приустьевой части Катэна, на снегу, словно неживой, застыл тигр. Лишь иногда на его голове двигаются уши. Он слушает звуки в бикинской пойме.

Где-то далеко гулко лопнул лёд на реке. Потом из накрытой морозным туманом речной долины донёлся еле различимый свист рябчика. Сбоку, совсем недалеко, под снегом завозились и запищали мыши. Снова всё стихло. Наконец внизу, где-то в устье Катэна, чуть слышно треснула ветка, потом ещё раз. Тигр повернул туда голову и медленно двинулся в направлении только ему ведомого звука. Он ещё не знал, что в этот день ему уготована встреча с человеком.

В начале января 2000 года мне на квартиру позвонил Дмитрий Пикунов. Это мой начальник, заведующий лабораторией экологии и охраны диких животных. Есть такая в Тихоокеанском институте географии ДВО РАН.

— Саша, приветствую, — прозвучал в телефонной трубке знакомый голос. — Всё сидишь за компьютером? Так и заболеть можно. Предлагаю размяться. Как ты смотришь на то, чтобы с недельку сопли поморозить на Бикине?

Шеф редко беспокоил меня своими заботами, зная, что без дела я не сижу.

— Снова тигров считать?

— Ты же знаешь, зимний учет на Бикине — дело не простое. Нужны люди с опытом.

— Из местных берёшь кого-нибудь?

— Пока неясно. Вчера звонил в Красный Яр. Тех, на кого рассчитывал, нет на месте... С нами поедет Иван. В Яру найдем ещё одного человека. И хватит. Снегоходы берём свои. Поедешь?

— Поеду.

Этот телефонный разговор определил круг моих забот на последующие десять дней. Мне предстояло участвовать в очередном учёте тигров на мониторинговой площадке в среднем течении реки Бикин. В последние годы вместе с Дмитрием на полевых мы работали нечасто. Нужно сказать, что решающим в моем согласии на участие в предстоящей экспедиции было не только желание убежать на недельку в лес потоптать снег да попить свежего ветру. С годами и у моего шефа, и у меня выработался собственный жизненный почерк, у каждого окончательно заострился непростой характер. Возможно, именно это обстоятельство с определенного времени стало основным препятствием для длительного тесного общения. Так бывает. Иногда даже несмотря на то, что за плечами у обоих не одна сотня совместно пройденных по тайге вёрст, не один пуд съеденной и выпотелой соли. И всё же бывают моменты, когда по интонации голоса товарища чувствуешь, что нужно помочь. В такие мгновения каждый из нас понимает, что мы можем совершенно по-разному относиться к чему-то, раздражаться друг на друга по мелочам, но когда есть дело, которое делать необходимо, и помочь некому, мелочи в расчёт не идут. Тогда и дело бывает сделанным как надо, и уж само собой никто никого не бросит на полпути.

До Красного Яра добрались, как обычно, за день на двух автомобилях. В пикуновской «Ниве», кроме шефа и меня ехали продукты и часть снаряжения. В зафрахтованном бортовом узике два снегохода «Буран», лыжи и тара под бензин. В кабине вместе с пожилым шофёром, который упорно просил называть себя просто Володей, ехал Иван Серёдкин, молодой аспирант Пикунова.

По прибытии на место мы остановились у начальника аэропорта «Олон» Бронислава Степановича Рыбина. Ему не впервой помогать ученым. Сколько лет мы знаем друг друга, я уж и не помню. В этом человеке меня всегда поражало редкое трудолюбие и полное отсутствие какой-либо агрессивности. Даже на откровенные безобразия жизни Бронислав Степанович, как и его брат, Анатолий Степанович, сколько помню, всегда реагировали лишь незлобивым улыбчивым ворчанием. Я давно заметил, что подобную улыбчивую критику недостатков тоталитарного коммунизма, как, впрочем,

и тоталитарного демократизма, можно услышать из уст только истинных тружеников в деревне. Городские жители, повязанные общей верёвкой нужды и забот, заметно болезненнее и жестче реагируют на всевозможные события.

Во дворе обширной усадьбы Степаныча мы нашли место для своих автомашин. Согласился хозяин и на то, чтобы приютить нашего шофёра.

Далее от Красного Яра до конечного пункта в районе будущих работ нам ещё предстояло преодолеть около восьмидесяти километров по заснеженной реке. В зимнее время практически единственным транспортом в этих местах, предназначенным для передвижения по снегу, являются снегоходы. Отечественный «Буран» среди них пока наиболее распространённый. Влияние этих «снежных мотоциклов» на жизненный уклад местного населения начиная приблизительно с восьмидесятых годов уже прошлого столетия, пожалуй, можно сравнить лишь с появлением на реке лодочных моторов. Эти технические новшества совместно с усовершенствованными капканами, оружием и одеждой быстро и бесповоротно выдавили прежние устаревшие технологии таёжных промыслов. Такая технологическая революция принесла не только благо, но и новые проблемы. Если раньше почти каждый удэгейский пацан жил внутри тайги и рано или поздно сливался с ней в жизненном ритме, то с появлением технических костылей, удлинявших руки и ноги, в сознание таёжных людей вползла и окончательно прижилась мысль о своём превосходстве над природой. Зачем развивать навыки понимания жизни зверей, если добывать их можно совсем просто. Увидел, пальнул меткую пулю; установил капкан с приманкой, соболь сам прибежит. А моторы в считанные часы лихо донесут охотника туда, куда раньше приходилось добираться неделями пешком или на лодке, которую приходилось тащить за верёвку. Кто-то скажет: «А как же иначе? Человек должен упрощать свою жизнь, высвобождая время для своего интеллектуального и культурного совершенствования». Разумеется, это так. Однако жизнь показала, что развиваясь интеллектуально и культурно в отрыве от природы, люди в большинстве своем не становятся мудрее, здоровее, добрее, чаще — лишь более изощрённое, хитрее и вместе с этим болезненнее и несчастнее.

В посёлке подыскали себе помощника из местных. Это бывший охотовед госпромхоза Витя Сун. Казалось бы, всё готово. Наши «Бураны» на ходу, продукты и снаряжение уложены и увязаны на нартах, все ёмкости заправлены топливом. Но трогаться в путь не решаемся. Старый след снегоходов на реке не читается: его давно засыпал очередной снегопад и зашлифовал ветер. Зимой по таёжной реке ездить на снегоходе не менее трудно, нежели летом на лодке. Необходимо хорошо чувствовать, где под снегом разлилась вода, где тонкий лед может провалиться. Ярские охотники, ещё не закончившие новогоднего гуляния, в тайгу пока не спешат. Кроме того, они узнали, что по Бикину собираются ехать научники. Мол, у них «Бураны» казённые, пусть и бьют дорогу первыми.

Мы бы рады, но вот беда — наш провожатый не столь опытен. Рисковать не хочет. Когда стало ясно, что переждать охотников не удастся, решили схитрить: перебраться всем на устье реки Тохоло и там ждать, когда в верховья реки проедет кто-либо из местных.

Сказано — сделано. Уже к вечеру наши «Бураны» были у тохолинского моста в рабочем посёлке мостостроителей. На ночлег устроились в одном из вагончиков, который выделил нам местный сторож.

После ужина состоялся совет экспедиции, на котором было решено начинать работу не с верхней части учётной площади, как это было прошлой зимой, а с низов.

— Саша, завтра тебе идти по Амбе. С собой возьмишь Ивана. Ночевать придётся в старом зимовье... Во-во, в прошлогоднем. Маршрут трудный, но тебе уже знакомый. Послезавтра к обеду вы с Иваном должны выйти на устье Амбы. Отвезёт вас на исходный рубеж Витя. Я с утра на легко гружёном «Буране» попытаюсь пробиться по ключу Линейному до устья Амбы. По возвращении Витя загружает свой «Буран» остатками груза и едет вслед за мной. До вершины ключа есть дорога, дальше старый буранник. Все ясно?

— Ясно, — отвечаю. Что тут неясного. По реке Малой Тохоло нужно перевалить в среднюю часть реки Амбы, пройти по речке и переночевать в старом зимовье на десятом километре, а утром скачками до устья, где нас должны ждать.

Ох уж эта Амба! Видать не зря слово «амба» по-удэгейски означает «злой дух». В прошлом году этот маршрут мы проходили вместе с Пикуновым. И надо же так случиться, что сразу перед нами там замёрз человек – житель посёлка Соболиный. На охоте ушёл в горячке за изюбром и заблудился. Одежка слабая, топора с собой не взял. Набегался по запарке. А ночью сердце не выдержало, так и застыл. Только через два дня по следам его нашли и вытащили тело до буранника. Но откуда нам было знать, что лыжня, на которую мы в сумерках вышли в пойме Амбы, ведёт в никуда, что это последний путь заблудившегося человека. Убеждённые, что лыжня приведёт нас к зимовью, целых два часа ночью с фонарями мы усердно продирались сквозь пойменные черёмушники. Измотанные ночными блужданиями без ориентиров мы, наконец, поняли, что тут что-то нечисто. Пришлось доставать компас и, придерживаясь борта долины, топтать свою лыжню в направлении устья Амбы. К старому зимовью вышли лишь после полуночи. Прошгодние тяжёлые впечатления об этом маршруте глубоко засели в подсознании у нас обоих.

На следующий день с утра пораньше (зимой, когда мороз за тридцать пять, обычно это не ранее половины десятого) нас с Иваном на исходный рубеж повёз Виктор. Учётный маршрут начался с устья Малого Тахоло, вдоль которого идёт старая лесовозная дорога. Суть учёта заключается в том, чтобы по пути записывать и помечать на карте все суточные пересечения следов тигра и копытных, отмечая при этом вид и численность животных. Следы тигра подлежат учёту независимо от давности. При этом по возможности промеряется ширина пятки зверя и изыскиваются следовые признаки пола и возраста. Менее жёстко требование к учёту куных и прочего зверья. В отношении этой категории животных важно по следам отмечать лишь их реальную численность на маршруте.

Около одиннадцати тридцати на снегоходе пробились по лесовозной дороге до устья перевального ручья и попрощались с Виктором. Дальше идём на лыжах. На охотничьих, разумеется, подшитых камусом. Камус – это куски шкуры изюбря или лося, содранные с нижней части ног. Без камуса ходить на лыжах зимой в тайге при большом снеге почти не-

возможно. В этом году глубина снега хоть и небольшая, около пятидесяти сантиметров, но вполне достаточная, чтобы вымотать любого без лыж уже на пятом километре пути. На лыжах же, да ещё с камусом, за день вполне можно преодолеть до двадцати километров по снежной целине. У каждого участника маршрута небольшой рюкзак. В рюкзаках походный котелок один на двоих, запас продуктов на день-два, фонарики, запасные рукавицы. Обязателен топор, хотя бы один на двоих. Дневник с карандашом, карта и компас во внутреннем кармане суконой куртки. Ружьё тоже одно на двоих, каждому таскать — лишняя тяжесть.

Часа через три пути, уже за перевалом, наткнулись на свежий след человека. Неужто ещё один блудящий. Везёт же нам на приключения. Пригляделись к следу внимательнее. Ходит без лыж, но уверенно. Вероятно, живёт где-то поблизости. Ниже по ручью пересекли ещё один его след. На этот раз вчерашний. След тянется из соседнего распадка. Похоже, что там же его берложка. Кто бы это мог быть? Вряд ли это законный охотник. Скорее, «партизан». Таких нынче много промышляет по тайге. Встреча с ними порой бывает опаснее встречи с тигром. Попробуй угадать, что у лихого человека на уме. С этими мыслями стараемся быстрее пройти глухой распадок.

Вот и пойма Амбы. Нужно заметить, что с непривычки начинать учёты сразу с длинного и тяжелого маршрута трудно. Сказывается долгое сидение в городе. Но нужно идти. В мороз долго отдыхать себе дороже, не успеем добраться к ночи до избушки. Переночевать в тайге с топором и пилой можно, конечно, и в январе, но это требует слишком больших затрат сил и времени. И то и другое у нас в дефиците.

До темноты мнём лыжню поочередно. По пути делаем пометки о встречаемых следах. След тигра так и не попадает. Когда стемнело, продолжаем маршрут с фонарями. К зимовью подошли лишь около девяти часов вечера. Судя по следам, этой зимой в нём уже кто-то ночевал. К сожалению, дров нам не оставили. Приходится около часа ползать с фонарями по снегу в поисках сухих лесин, тащить их к зимовью, пилить и колоть дрова. Зимовье старое, вросшее в землю. Изнутри сквозь щели видны звёзды на небе. Жестяная печь и труба местами проржавели. На сколоченных из еловых жердей на-

рах тлелое тряпьё, пихтовый лапник с уже осыпавшейся хвоей. Кривая столешница, сбитая из колотых плах, сплошь усыпана мышинным помётом.

Я чувствую, что Иван, хоть и вдвое моложе, но устал не менее моего. Однако виду не подаёт. Молчит. Лишь иногда сопит, волоча очередное бревно на дрова. Раньше мне не доводилось с ним ходить. Уже после первого дня стало ясно, что парень в тайгу попал не случайно. У этого должно получиться. То, что он бывает излишне самоуверен, это ничего. Пройдёт. Например, пошёл в этот раз без запасных рукавиц. Взял лишь шерстяные перчатки, которые, конечно же, очень скоро промокли и покрылись льдом. Ледяным панцирем покрыта и его спина. Это означает, что он слабо одет. Тепло от разгоряченной спины, проникая через одежду, растапливает постоянно падающий с веток снег. От этого при первой же остановке мокрая ткань моментально промерзает.

Когда зимовье разогрелось, котелок каши с тушёнкой съеден, самое время за чаем завести какой-нибудь разговор. Нередко он затягивается за полночь. Зимние ночи на мёрзлых нарах при свете фонарика кажутся бесконечно длинными.

Проснулись, когда за окном уже вовсю сверкает день. Яркие лучи света пробиваются через щели в двери и на потолок. На тёмном фоне хорошо видно, как мельтешит невесомая пыль. От печи веет ледяным холодом. Тихонько, стараясь меньше тревожить боль, засевшую в застылой пояснице, сползаю с нар. Пару раз присев на корточки, начинаю строгать щепу. Иван тоже сгибается с трудом, разминает руками натруженные мышцы, потом берётся за котелки.

Через час уже плотно позавтракавшие, одетые походному выползаем из тёмной, но утретой берложки в ослепительное утро зимнего дня. Вездесущие синички, тихонько переговариваясь между собой, легко порхают возле помойки. Нешутейный мороз спешит залезть под воротник, начинает жечь запястья. Хочется быстрее встать на тропу, но прежде чем уйти, нужно оставить после себя дрова. Приходится снова таскать и пилить сухие лесины.

От избышки до устья Амбы недалеко. Часа два быстрого хода. К полудню мы уже на месте. Дмитрий Григорьевич

и Виктор уже ждут нас в зимовье. Один из них приехал вчера. Второй не успел, ночевал в зимовье по дороге и прибыл лишь недавно.

Ещё час уходит на загрузку и разогрев снегоходов. Из поймы реки Амбы выбираемся на речной простор Бикина со свежим буранником. Через три километра остановка у «богомолки». Удэгейцы называют так скальный прижим в подножии большой горы, что выше устья реки Амбы, — место, где принято отдавать дань местным духам. Эта традиция возникла очень давно. Никто уж и не помнит, когда именно. Идёт ли кто пешком, едет ли на снегоходе или плывёт на лодке, все стараются найти время остановиться здесь. Кто тряпочку привяжет к кусту, кто водкой окропит вокруг, кто больше употребить внутрь старается. Такова традиция. Особенно серьёзно стали относиться к этому ритуалу после того, как двое милиционеров из Лучегорска пальнули в священную скалу из пистолета, целясь в оставленную кем-то бутылку. У обоих в этот же день погибли сыновья. У одного маленький сынишка утонул, когда купался со сверстниками в лучегорском водохранилище, сына второго милиционера сбила автомашина: мальчик умер в больнице.

У «богомолки» достали бутылку водки, налили по кружкам и, сбрызнув огненной водой троекратно, выпили во славу всех живших и живущих на Бикине как в этом, так и в иных измерениях. Совершив обряд, не спеша тронулись дальше.

Когда добрались до зимовья в устье Байчихезы, там нас уже ждали хозяева — братья Яков и Иван Геонка и с ними Лёва по кличке Длинный. Они прибыли сюда ещё вчера.

— Заходите, заходите, — первым протягивая руку, заговорил Яков. Успевайте занять места. Сегодня после обеда все охотники должны выехать. Скоро будут здесь.

Хорошо знакомый нам Лёва, не расточая лишних слов, сунул Ивану в руки колун и кивнул на разбросанные еловые чурки. Мне с Дмитрием Григорьевичем предложил чистить картошку. Виктору вручил пустое ведро и указал путь в сторону протоки. Убедившись, что все пристроены к делу, сам принялся рубить мясо на похлебку.

Через полчаса на закате солнца один за другим стали прибывать «Бураны». Приехало больше десятка охотников. Разношёрстной полупьяной массой они затекли в натопленную

избу, наполнив её дурашливым смехом, громкими возгласами и спиртовым духом. В полумраке замельтешили раскрасневшиеся с мороза лица и руки. Кто-то сопливый поставил на стол уже начатую бутылку водки. Нарочито разыгрывая из себя совсем пьяного, старался шуметь громче всех. Наблюдавший за происходящим из тёмного угла Иван Геонка вдруг встал и громко, чтоб слышали все, произнёс:

– Молчать всем.

В мгновение все притихли.

– Если кому нужно согреться, грейтесь. Чай на печи. Кто будет вести себя по-свински, выкину за дверь... Кто сегодня дальше не едет, может занимать соседний дом. Места там есть. Дрова в ста метрах по бураннику.

На вид Ивану около тридцати пяти. Среднего роста, коротко стриженный, серьёзный, подтянутый, даже в кальсонах он внушал к себе уважение.

Молодой сопливый петушок мгновенно протрезвел.

– Иван Трофимыч, да мы чё. Мы же понимаем. Всё будет тихо.

– Вовчик, – обратился к нему Иван персонально, – вечно ты баламутишь. Смотри мне.

Охотничья братия одобрительно забубнила. В людском го-моне моё внимание привлёк тихий, но членораздельный диалог, доносившийся из тёмного угла.

– От блин. Только вчера поршневую перебрал, и снова не тянет...

– Ну да. Ты, хотел, чтобы после пятнадцати тысяч двигун тянул как новый? Он же рассчитан-то всего тысяч на пять. Покупай новый «Буран», тогда потянет.

– Новый. Ты чё, блин. Он же стоит уже больше, чем японский автомобиль. Слышал, уже за семьдесят тысяч ломают?

– Да...а...а. Такие бабки нам в жисть не заработать.

Постепенно народ рассосался. Кто-то ушёл ночевать в старую избу, которая находилась недалеко от нашей, недавно построенной. Часть людей уехала вверх по реке до других зимовий.

После сытного ужина, как обычно бывает в таких случаях, завязались деловые разговоры. О тиграх: где сколько оста-

лось, обо всех остальных интересовавших нас лесных тварях. Поразмышляли о том, куда девался кабан, почему в этом году его почти нет по всему Бикину. Незаметно от животных разговор перекинулся на темы более серьёзные.

— Александр, — обратился ко мне Яков Трофимович, заметив, что я в разговоре не участвую. Его внимательные глаза под очками посмотрели с явной заинтересованностью. — Мы давно тебя знаем как болеющего за Бикин. Что там нового в верховьях? Слышал, что со стороны Светлой собираются дорогу бить.

Такой вопрос меня обрадовал.

— Есть такая проблема. Недавно лесопромышленники обратились с просьбой в Управление лесами дать разрешение на строительство автодороги от верховьев Светлой до верховьев Единки. Обещают пробить её исключительно по водоразделу.

— Знаем мы эти водоразделы, — вмешался Лёва, направив ко мне большую растопыренную ладонь. — Какой водораздел между Зевой и Пеей, а? Ровный, как стол, — перевернул ладонь и повел ей, словно по гладкой поверхности. — По нему катись хоть боком от Ады до Килоу. Не верю я, чтобы это дело чисто было. Не мытьём, так катаньем хотят Бикин извести.

— Это точно, — согласно закивал головой Яков.

Снова заговорил Лёва.

— А...а, продадут Бикин. Вот помрём мы, молодёжь уже не будет воевать за тайгу. Видел, чё им нужно? — указал пальцем на дверь. — Ничё, кроме водки.

— Значит, плохо воспитываете молодёжь, — решил я слегка завести Лёву.

— А чё их воспитывать? Чё я им, отец родной?

— Главная беда ваша, что забыли обычаи своих предков. А без обычаев связи поколений у народа не бывает. А когда нет связи, нет и народа, нет и родины, нет и защитников её.

— А кто в этом виноват? — громче обычного зашумел Лёва. — Это русские во всем виноваты. Отец мне рассказывал, как было в тридцатых годах. Насильно из тайги сгоняли в посёлок. Шаманов убивали. Разговаривать на родном языке запрещали, — в его глазах появились недобрые искорки.

Иван Геонка, почувствовав излишний накал эмоций, осадил Лёву:

— Что ты пошёл как на буфет. Если кто и виноват, так уж точно не эти люди.

— Да я так. Не по злобе.

Когда страсти улеглись, я попытался продолжить мысль:

— Если что-то с кем случается, то виноват в этом только сам человек. Если что-то случается с народом, то он один и виноват. Это ваши деды и деды ваших дедов позволили себя обманывать, шли на поводу у обстоятельств...

Тут меня прервал Дмитрий Григорьевич:

— Да, мужики, сложно всё это. Может, оно и так, как говорит мой коллега, но предлагаю вернуться на землю. Давайте спать. Завтра у нас трудный день.

Утром следующего дня мне предстояло снова идти с Иваном на этот раз по реке Байчихезе. И снова с ночёвкой в дальнем зимовье. Дмитрий с Виктором проводят учёт по другому притоку Бикина.

После возвращения в этот же день мы перебрались на новое место, в район Митакхезы. Там всё те же заснеженные ключи и речки. Снова звериные следы. А вечерами новые встречи с охотниками. Новые и старые темы бесконечных разговоров.

На седьмые сутки мы добрались до последней нашей стоянки в устье реки Гунчугу. От работы на морозе, когда в день приходится преодолевать от двадцати до тридцати километров целины на лыжах, в организме стала накапливаться усталость. Но отдыхать пока некогда. Поджимают сроки.

Вечером после ужина ко мне снова обратился шеф с официальной интонацией в голосе:

— Александр Михайлович, завтра пойдёшь один. Тебе снова выпал маршрут по Катэну. Катэн нужно вывершить и затем перевалить в Гунчугу. Уж больно интересное там место. Ты же знаешь, это самый низкий перевал из Бикина в бассейн Хора. Чую, что крупный самец где-то там. По Гунчугу выйдешь на старое зимовье. Снизу до него лыжню пробьёт Виктор... Мы с Иваном пойдём по Моховому ручью. Если удастся сделать эти маршруты завтра, тогда уже послезавтра можно уезжать домой. Как, осилишь?

— Попробую.

В прошлом году я ходил по Катэну в первый раз, но неудачно. Местный охотник с вечера рассказал мне, как удобнее зайти в ключ, чтобы не пересекать длинную и глубокую гнилую протоку в бикинской пойме, преграждающую подход к устью Каэна. Но я неудачно сориентировался и свернул не в тот ключ. Как назло, пошёл обильный снег. В итоге когда я вывершил ручей и понял, что попал не туда, разобраться в расположении хребтов было практически невозможно. Кусочек ксерокопии карты с обозначенным маршрутом был слишком мал, чтобы по нему можно было надёжно сориентироваться. Ничего не оставалось, как идти на север вдоль водораздела. Когда мне показалось, что дошёл до хорского водораздела, повернул на восток, в ключ, впадающий в Гунчугу. Ключ оказался не вторым, а первым нижним притоком Гунчугу. Это означало, что до водораздела с Хором я не дошёл.

Позднее, уже во Владивостоке, разбирая свой неудавшийся маршрут, я вспомнил, что по ручью Катэн блудил не только я, но и В.К. Арсеньев вместе с Дерсу и проводником тазом во время своей зимней экспедиции в декабре 1907 года. Этот момент описан в книге «Дерсу Узала». По речке Катэн (которая в книге называется Катэ-Табань) Арсеньев со своими спутниками хотел выйти в бассейн Хора. Когда они дошли до вершины ручья, проводник понял, что потерял ориентиры, и они решили заночевать в лесу на плоском водоразделе. Ночью подул сильный ветер. Потом пришёл тигр и прямо от костра утащил собаку проводника таза. Похищение собаки В.К. Арсеньев описывает так: «...первым проснулся Дерсу; его разбудили собаки. Они всё время прыгали то на одну, то на другую сторону костра, спасаясь от тигра. Альпа бросилась прямо на голову Дерсу. Спросонья он толкнул её и в это время увидел совсем близко от себя тигра. Страшный зверь схватил собаку и медленно, не торопясь, точно понимая, что ему никто помешать не может, понёс её в лес...». В итоге Арсеньев в бассейн Хора так и не попал. Кто-то или что-то помешало ему это сделать. И во всём этом был замешан тигр. Эта аналогия с блужданиями почти столетней давности показалась мне не случайным совпадением, что-то в этом было неспроста.

На этот раз я запасся хорошей картой. Погода с утра солнечная. Настроение бодрое. Примерно с полчаса задержался

на гнилой протоке, фотографировал пейзажи на восходе солнца. Потом направился вверх по тому же ручью, что и в прошлом году. Мне захотелось разобраться, где же я в тот раз запутался. Через час ходкого пути, вывершив ручей, поднялся на одну из вершин катэнского водораздела. Огляделся. Вокруг лабиринт из заснеженных сопок и распадков. Долина Катэна рядом, слева, в глубоком распадке. Прошлый раз я шёл вдоль него, но не видел этого из-за плотного снегопада.

По крутому склону спустился в пойму Катэна и направился вверх по реке. Через час пути долина речки резко расступилась. Судя по карте, здесь она принимает форму обширной плоской чаши. По низкому краю её проходит водораздел бассейнов Бикина и Хора. Судя по запискам В.К. Арсеньева, где-то здесь сто лет назад он заночевал и встретился с тигром.

Перед расширением ручьевого долины слева прижим, под ним свежая тигриная тропа. Размер пятки двенадцать с половиной сантиметров. Взрослый самец. Похоже, что именно его старый след подрезал Виктор в соседней речке, в пятнадцати километрах к западу. По следу видно, что тигр ходил по тропе несколько раз. Решил пройти по ней, может быть, удастся найти давленину. Пройдя метров пятьсот в вершину распадка, обнаружил остатки задранного изюбря. Судя по следам, тигр жил поблизости двое-трое суток. Наверняка хищник не успел уйти далеко. Где он сейчас, станет яснее, когда обойду вершину Катэна с севера и востока.

Вернулся на свою лыжню и продолжил путь в сторону хорского перевала. Вскоре вышел на старый, заросший мелким ольховником, лесовозный волок, который тянулся из-за перевала, со стороны Хабаровского края. По оставленным пням похоже, что сюда лет двадцать назад ныряли лесорубы с хабаровской стороны, успели выкосить кусок бикинской тайги.

Поднялся на хорский водораздел и, взяв азимут на гору Пушную, уточнил координаты своего места. Теперь можно спускаться в ключ, впадающий в реку Малую Гунчугу. Светового времени остаётся около двух часов.

В залепленных снегом ельниках многочисленные следки соболей. Здесь же свежий след быка-изюбря. Нашёл несколько его лёжек. Вот и первая развилка: большой распадок ухо-

дит влево. Через сотню метров вижу, что впереди пойму пересекает явно свежий след крупного зверя. Это не изюбрь. Слишком «пашет» снег. Подошел ближе. Так и есть. Это тигр. Тот же. След совсем свежий. Зверь где-то рядом. Я убежден, что он меня не тронет, но внутри против моей воли затлело неуютное ощущение. Машинально снимаю из-за спины ружьё, проверяю, не забит ли ствол снегом, надеваю его на плечо, чтобы при случае можно было быстрее снять.

Через двести шагов снова след тигра. На этот раз зверь перешёл на обратную сторону. В данной ситуации суетиться бесполезно. Останавливаюсь и долго слушаю, всматриваюсь в склон сопки, куда уходит след большой кошки. Я знаю, что она видит и слышит меня. Сейчас и я её увижу. Да вот она. В кустах силуэт тигра почти не просматривается. Видна только круглая голова. До неё не более сотни метров. Тигр смотрит не мигая. Наши взгляды встретились. По спине забегали холодные мураши. Рука инстинктивно нащупала шейку приклада.

— Что, брат, трудно стало выживать. Во...во. Мне тоже не всегда весело, — обратился я к тигру вполголоса как можно спокойнее.

В ответ послышался лёгкий утробный рык, скорее похожий на далёкий хриплый кашель. Как только тигр понял, что обнаружен, дальше не стал играть в прятки, тут же вышел на чистое место. Издалека он казался длинным и плоским.глянул в мою сторону, не спеша побрёл вверх по склону.

В голове замельтешили мысли. Почему-то о разрушении тайги человеком, о том, что тиграм отступать больше некуда. Ощущение такое, что мысли эти телепатически передал мне сам тигр.

Спустя всего полчаса я вышел к старой, уже развалившейся избушке. Около неё лыжня Виктора. Прямо на ней с шипением дотлевают поленья от непотушенного костра. Похоже, что Виктор ждал меня здесь не меньше часа.

Достал из рюкзака котелок, набрал в него ключевой воды, повесил над костром и принялся раздувать огонь... Когда огонь разгорелся, подвинул ближе к костру не расколотый ещё чурбачок, присел на него, огляделся.

Лучи заходящего светила позолотили макушки кедров на противоположном берегу реки. Глядя на закатное небо, по-

думалось: «Уже послезавтра я затеряюсь в людском потоке в одном из "цивилизованных муравейников"... Но мыслями останусь здесь до конца дней своих. Для того чтобы не забыть случаем о последних уголках дикой Уссурийской тайги, о братьях наших меньших. Обо всём этом теперь будет напоминать мне запечатлённый в памяти образ старого тигра. Похоже, что именно для этого он и нашёл меня среди заснеженных сопок».

Впрочем, я уже знаю, что тигр здесь ни при чём. Его послали духи Бикина, чтобы дольше сохранилась во мне эта памятная зарубка.

Владивосток, январь 2000

ОСТАНОВКА НА БАЙЧИХЕЗЕ

В зимовье на устье Байчихезы двое — я и мой давний знакомый Яков Геонка. Раннее утро. В избушке тихо, сумрачно и совсем не жарко, поскольку печь давно погасла. Надо бы сходить на улицу, но уж больно не хочется вылезать из тёплого спальника. Открыл глаза и стал разглядывать детали таёжного удэгейского жилища. В углу, справа от двери, на деревянных колышках установлена жестяная печь. На стене, слева от печи, полка с посудой. Ниже старая закопчённая тумбочка. Она подпирает железную кровать. Вместо панцирной сетки на кровати настил из досок. На них под ворохом замусоленных одеял спит Яков. Левее кровати, под окном, прибит деревянный стол. Возле него на стене чем-то пришпилена страница из какой-то дешёвой газеты, похоже, «Спид-инфо». С выцвевшей бумаги рыбьими глазами смотрят обнаженные молодницы, призывно демонстрирующие свои молочные железы и гладкие окорочка. Этот шедевр прикрепил явно не Яков, а кто-то из молодых, будучи здесь проездом. На столе, у самого окна, среди натёков оплавленного парафина керосиновая лампа, за ней на подоконнике несколько позеленевших латунных гильз шестнадцатого калибра, принесённый кем-то с реки гольш для правки ножей и стеклянная банка с солью. По другую сторону стола нары, примыкающие к стене. На них лежу я. За нарами ещё одна тумбочка. Над ней второе окно, выходящее на юг. Далее, у двери, полка для ведра с водой, и в самом углу умывальник. Около рукомойника, в щели между брёвнами, криво торчат зубная щётка и измятый тюбик «Колгейта».

Заворочался на кровати Яков. Похоже, и он уже не спит.

— Как спалось? — негромко проверяю свою догадку.

— Хоро...ш...уу, — отвечает тот сквозь зевоту. — Однако, вещий сон видел. Похоже, сегодня фарт будет. Зюбря добудем.

— Какой зюбрь в конце февраля? Охотничий сезон давно закончился.

— Как добудем, не знаю, но знаю, что будем с мясом.

— Откуда знаешь?

– Приснилось мне, что стою на вершине Бомбинзы...

– Это священная гора удэгейцев, что в километре ниже по Бикину?

– Она самая. На ней живёт Большой Дух Бикина. Так вот, во сне я говорил с ним. Я сказал, что мясо, которое в последний раз добыл, уже съедено и роздано родственникам. Большой Дух поблагодарил за вчерашние подношения и сказал, что подарок нам уже приготовлен.

– Очень интересно... А ты, случаем, не шаман?

– Не...е. Какой из меня шаман. Настоящей шаманкой была моя бабка, мать отца. Однажды в детстве я видел, как во время камлания она даже летала по воздуху.

Я давно обратил внимание на то, что Яков очень серьёзно относится к верованиям предков. Всякий раз, проезжая около скалы шаманов, он не забывает остановиться, чтобы «покормить» духов и помолиться. Приучает к этому и своих сыновей.

– И как давно ты веришь в своих богов? – задал я вопрос в надежде узнать побольше о религиозной жизни своего напарника.

– С детства. С тех пор, как себя помню. Ещё совсем маленьким я опрокинул на себя таз с кипятком. Сильно обварился. Кричал страшно. Прибежала бабка и начала шаманить. Помню, что тут же уснул. Проспал сутки. Когда проснулся, боль была вполне сносной. И что интересно: даже шрамов на теле не осталось. С тех пор поверил в силу шаманов.

Обычно в общении с малознакомыми людьми мы не склонны впускать чужаков в сокровенные уголки личного. Сегодня же что-то располагало к откровенному разговору. Быть может, то, что Яков за несколько дней, что мы работаем вместе, успел присмотреться и понять: опасности от меня ему нет никакой. К долгому утреннему разговору располагало и то, что спешить нам особо было некуда. Работа, которую поручено выполнить сегодня, была относительно небольшой. Предстояло провести последний учётный маршрут для определения численности копытных и тигров в небольшом ручье под названием Бангэ. От Байчихезы до устья ручья по Бикину около получаса езды на «Буране». Сам маршрут займёт около трёх часов. Потом мы должны прибыть в район Тохолинского моста, встретиться там со второй бригадой учётников и уже

вместе ехать в Красный Яр. На этом очередной тигриный учёт на Бикине будет завершён.

Быстро сбегав на двор, я снова нырнул в спальник и, завернувшись в него плотнее, продолжил свои расспросы.

— Яков, интересно, а что ты ещё помнишь о своих предках? Где они жили? Чем занимались?

— Моего деда звали Чифу. Чифу Геонка. В 1928 году, когда родился мой отец, род Геонка стоял по Ганготу. Это ниже Лаухэ, ты должен знать. Там и сегодня есть урочище, которое называется Геонковское.

— Да, знаю. И много у тебя братьев, сестер?

— Пять братьев. Я из них самый старший, пятьдесят пять недавно стукнуло. Следующий Володя. Он на три года моложе. Потом идёт Слава 1953 года рождения. Двумя годами позже родился Иван. Самый младший, Сергей, он с 1956 года. Мама наша из рода Сигдэ. Она была на десять лет старше отца.

— А почему мама настолько старше отца?

— Её первый муж погиб на войне в 1943 году. Она была красивой и умной женщиной. Видать, нравилась отцу. Вот и поженились.

— Ты так же, как и отец, родился на стойбище в районе Лаухэ?

— Не. Ещё в тридцатых годах, после того, как моего деда арестовали за пособничество старообрядцам во время улунгинского восстания, мои родственники перебрались в посёлок Сяин. Вместе с арестованными старообрядцами деда увезли в Хабаровск. Оттуда он уже не вернулся. В те годы почти все бикинские удэгейцы жили в трёх посёлках: Сяине, Олоне и Митахезе. В 1958 году после очередного сильного наводнения было решено заложить новый посёлок на высоком левом берегу Бикина недалеко от Олона. Это было не очень удобно: дорога шла по правой стороне реки, зато берег высокий, его не топило в большую воду. Посёлок назвали Красный Яр. Я помню, как вместе с отцом корчевал лес под строительство дома.

— Отец живой ещё?

— Погиб он. В 1959 году убили его в драке.

На некоторое время Яков умолк. Похоже, вспомнилось что-то тягостное. Я не стал уточнять, что именно произошло, и перевёл разговор в другое русло.

— Ну, хорошо, а учился ты где?

— Сначала в школе. Закончил восемь классов. В то время была восьмилетка. Потом поступил в Хабаровске на подготовительные курсы для народов Севера при медицинском институте. Проучился там два года. В 1964 году вернулся в Яр и поступил на работу в госпромхоз. Сначала рабочим. Пилил дрова, делал клёпку для бочек, собирал ягоду. Года через два меня взяли в бригаду охотником. Это были чужие люди, не родственники. Охотились мы по ключу Гангэ, недалеко от реки Тавасикчи. В 1969 году меня пригласил в свою бригаду дядька, брат отца, Сусан Чифаевич Геонка. С тех пор и до сего дня я охочусь здесь, по Байчихезе. Сейчас она называется на русский лад — река Клёновка. Поначалу нас было четверо. Постепенно старики ушли и в бригаде собрались почти все мои братья.

— Получается, что на этом участке ты охотишься уже четверть века. Интересно, а сколько раньше здесь было зверя? Больше или меньше?

— Кабанов и зюбря в те годы было намного больше. Как бы раз не в десять. Соболя было меньше. Тогда редко кто добывал больше трёх десятков соболей. Тигры тоже появлялись редко, постоянно они жили лишь по Амбе. Здесь они постоянно стали жить где-то с конца восьмидесятых годов.

— Судя по учётам в прошлом и в этом году, численность копытных на вашем участке очень низкая. Как же тигры выживают?

— Трудно им. Голодают. И похоже, что нынче так по всему Бикину. После Нового года Василий Дункай рассказывал, что по реке Биамо тигрица бросила даже двух тигрят. Видать, не смогла их обеспечить. Тигрята съели в округе всю падаль, выгребли у охотников туалеты. Один из них залез даже в зимовье и устроил себе логово из спальников. Васька говорил, что буквально силой выгнал его из избы. Но убить не решился. Может, и зря. Это уже смертники.

— А ты убивал тигров?

— Не...ет. Для меня убить тигра — это вроде как убить человека. Даже больше. Как родственника что ли.

— Почему же другие удэгейцы убивают?

— Таких мало. Это те, что без веры в голове. Им что человека убить, что зверя — одинаково.

– Ну, хорошо, а медведей ты убиваешь?
– Медведей убивал много. Правда, не раз платился за это.
– Как это?
– Кусал меня медведь дважды. Собака спасала.
– А какое время было самое тяжёлое для охотников?
– Начало девяностых годов. Тогда цены на пушнину резко упали. Была ещё одна напасть – перестал работать вольфрамовый рудник «Восток». Он совсем близко от верховьев Байчихезы. Безработные мужики кинулись в тайгу на заработки. Беспредел был полный. Из-за того что мы не давали людям охотиться, они жгли наши бараки. Война была конкретная.

– И как же вы выстояли?

– А никак. Договорились. Пришлось отдать часть земли на откуп. Я нашёл одного более или менее надёжного пенсионера из горняков и разрешил ему построить свое зимовье в верховьях Байчихезы. Выделил ему пару ключей, но с условием, что он будет охранять участок от вторжения чужаков. С тех пор так и живём. Он и сейчас в тайге. Продуктами и запчастями иногда помогает. Точно такая же ситуация у моих соседей, у того же Витьки Канчуги. У него на участке охотятся двое пенсионеров. Пенсии-то у горняков с сорока пяти лет. Мужики ещё крепкие. Тайгу шерстят пошустрее наших.

– А сейчас сколько вы ловите соболей за сезон в среднем?

– Как и раньше, штук по тридцать. Приёмная цена в последние годы не поднималась выше трёхсот пятидесяти рублей. Итого за сезон на соболях тысяч десять выходит. Разве это деньги? «Буран», к примеру, уже около семидесяти тысяч стоит.

– Ну, а кроме соболей, есть какие-либо заработки?

– На промысле я, например, добываю одну или две выдры. Это даёт ещё пару-тройку тыщ. Мясо почти не сдаю. Дай Бог на еду себе добыть. После сезона пилим дрова. Расценки – около пятнадцати тысяч рублей за куб. В среднем распиливаю по триста кубов. Это ещё от четырёх до пяти тысяч даёт. В начале лета пантовка. Панты я уже давно не добываю, но с этого свой навар имею. Я специалист по варке пантов. Эта работа даёт мне ещё около двух тысяч. В конце лета корнёвка. Беру отпуск и отправляюсь в лес недели на две-три во главе

бригады из четырёх человек. Тут как повезёт. Бывает, что и до двадцати тысяч зарабатывали.

– Ну, хорошо, а какая у тебя семья, большое ли хозяйство? Какой дом?

– Жена у меня хорошая, Анна Владимировна.

– Удэгейка?

– А как же. Работает техничкой в школе. Получает за это около пятисот рублей. Детей двое. Сыновья. Одному уже шестнадцать. Второй на пять лет моложе... Дом у меня новый. Построил недавно. Делал практически всё сам. Помогли, конечно. Не без этого. Директор помог, Владимир Аркадьевич Ширко. Обеспечил меня лесом. Ну, что ещё... Есть корова, телок. Из техники – «Буран». Правда, старенький. Купил его ещё в конце восьмидесятых. Да, огород ещё есть. Большой. Все овощи сажаем: картофель, капусту, фасоль.

– Яков, а почему ты водку не пьёшь? – этот вопрос давно хотел задать охотнику, ещё лет пять назад, когда познакомился с ним, но всё как-то не представлялся случай.

Завязал я с этим. Уже почти десять лет как в рот не беру. И брат Иван тоже совсем не пьёт. Раньше пили. Сильно пили.

– Как же ты нашёл в себе силы бросить?

– Тоже Большой Дух помог. Предупредил он всех нас, братьев.

– Как это?

– В мае 1992 года копали мы кок недалеко отсюда.

– Элеутерококк копали?

– Ну, да.

– Был я, Иван, Сергей и Толя Иванов, наш товарищ. Как-то поздно вечером разыгралась страшная гроза. Молнии во всё небо. Мы выскочили из барака под навес. Стоим, смотрим на чудо. Дождь хлещет что с ведра. Вдруг как ахнет молнией в дерево рядом. Оно сломилось и на нас. Крыша на бараке и навес вдребезги. Мне по голове крепко досталось. Очнулся я от крика. Это Иван кличет: остался ли кто живой. Ему сучком плечо выбило. У Сереги оказалась нога сломана. У одного Толя ничего. Только напугался. С тех пор я пить бросил. Иван тоже. Толя продолжал пить и лет через пять сгорел от водки. Сергей пока живой. Но если пить не перестанет, то и у него будут большие проблемы.

Часы на моей руке с японской точностью возвестили о наступлении девятого часа утра. На улице сквозь запотевшие окна уже всюду сверкал солнечный день. За бревенчатой стеной шуршал и тукал клювом поползень, на дереве неподалёку отбивал барабанную дробь ошалевший от предчувствия весны дятел. Пора и нам вставать, браться за работу.

Яков вылез из-под одеяла первым. Напялив поверх кальсон суконные штаны, вышел за дверь. Вернулся с охапкой поленьев. Бросил их на пол, принялся строгать ножом кедровое смольё. Открыл печь, сложил смольё, потом дрова и зажёл огонь. Через минуту за печной дверцей весело затрещало. Через щели в ней стали поыхивать голубые струйки дыма. Жилище наполнилось теплом и горьковатым запахом горящего елового дерева.

Пока Яков растапливал печь, я тоже вылез из спальника и оделся. Затем умылся и почистил зубы. Позавтракали вчерашней кашей, разогрели её на сковороде. Допили чай, вымыли посуду и принялись грузить в нарту вещи.

Ещё через час мы повернули «Буран» с основного русла в протоку, ведущую к устью Бангэ. На устье ручья свежие следы тигра. Зверь выходил ночью. Спустился с носка террасы, топтался на льду и, поднявшись снова на берег, ушёл в забок.

Решили, что по ключу в маршрут пойду я один. Пока буду ходить, Яков протропит тигра в бикинской пойме. Затем пьём чай и выдвигаемся к мосту.

Часа через три, когда я вернулся с маршрута, Яков уже сидел у костра почему-то на бензиновой канистре и загадочно улыбался. Казалось, что его маленькие карие глаза, всегда спрятанные за толстыми стеклами очков, начали излучать особый свет.

— Ты чё светишься? Никак приготовился к встрече с Большим Духом? — обратился я к нему, имея в виду канистру с бензином, что у него под задницей в полуметре от огня.

Яков намека не понял. Не скрывая радости не только на лице, но и в голосе, проговорил:

— Я же сказал, что мясо у нас будет.

— И где же оно?

- Там, – показал рукой вниз по протоке.
- В холодильнике небось? И бесплатно.
- Бесплатно, бесплатно. Пей чай. Щас покажу.

Метрах в ста на протоке у самого берега изо льда торчала голова самки изюбра. Судя по следам, корова провалилась под лёд вчера вечером, когда переходила протоку. Возможно, хотела попасть на остров, чтобы полакомиться хвощом. Под берегом лёд был тонким. Глубина воды более двух метров. Оказавшись в воде, зверь какое-то время сопротивлялся, но, не найдя опоры под ногами, тихо застыл, положив голову на лёд.

Когда мы вытащили тушу на берег и разрезали, мясо оказалось совершенно свежим. Ни малейшего намёка на порчу. И впрямь, будто из холодильника.

Владивосток, март 2001

В ГОСТЯХ У ХОЗЯИНА ДЕМЧУГУ

Очередной заряд снега стал иссякать. За белой пеленой резче обозначилась стена леса. Постепенно из снежного тумана возникли очертания ближайшей сопки. Спустя полчаса открылись и дальние горы верховий Демчугу, правого притока Бикина.

Жить стало веселее. Поддёрнув рюкзачок, чтобы сидел удобнее, я шустрее стал передвигать лыжи.

От пешеходной тропы охотника после большого снегопада почти ничего не сохранилось. Лишь кое-где просматривается пунктир чуть приметных глазу следов-лунок. На заснеженном льду ручья строчка следов жметя к самому берегу. По фарватеру лёд тонкий, местами в провалах тихо шелестит тёмная вода.

Вскоре от быстрого хода под рюкзаком начала взмокать спина, по виску из-под слипшихся волос потекла струйка пота. Остановившись, снимаю шапку и, промокнув рукавом разгорячённый лоб, лезу во внутренний карман суконной куртки за блокнотом и картой.

Развернув карту, сверяю её с местностью. Похоже, зимовье где-то рядом. Вероятнее всего, оно за ближайшим речным поворотом. Вон впереди, метрах в ста, какой-то след, похоже, человека.

Уже через двадцать шагов становится понятно, что это не человек. Так ходит только тигр. Зверь прошёл совсем недавно, быть может, час-два назад. Судя по следу, это самец. Большая кошка вышла с поймы Демчугу, пересекла ручей, потопталась у подножия прижима, затем двинулась вверх по течению. В том месте, где ручей отходит от крутого склона сопки, тигр легко запрыгнул на высокий берег, вздыбив из снега солому осоки.

Надо бы замерить ширину пятки зверя, но в снегу на ручье это сделать не представляется возможным. А без этого замера учётные данные во многом теряют смысл. Чтобы попытаться

найти хороший отпечаток, придётся лезть на террасу. Только там растут разлапистые ели, под ними снега меньше.

Забираюсь на берег и иду по следу вдоль подножия склона. На небольшом бугре след от лёжки. Какое-то время тигр отдыхал здесь в позе сфинкса, наблюдал за рекой. На снегу хорошо отпечаталась шерсть на животе, поджатые лапы и толстый хвост длиной около метра.

Ещё через сотню шагов нашёл то, что искал. На припорошенной снегом наледи, в устье небольшого ручья, тигр оставил отпечатки лап, которые можно измерить с точностью до миллиметра.

Ширина передней «подушки» оказалась двенадцать с половиной сантиметров. Крупный самец. Дальше тропить его нет необходимости. Да и опасно это. Тигр не любит, когда за ним кто-то ходит. Вообще-то следить тигров с научными целями принято не «вслед», а «в пятку», то есть, следуя не за зверем, а в обратном направлении.

Сделав самые необходимые записи в дневнике, спешу покинуть сумрачный распадок и вернуться на чистое место.

На речке тоже заметно потемнело. Блеснувшее из-за туч закатное солнце спряталось теперь уже окончательно.

А вот и долгожданный след охотника. От следа кошки до него не более сотни шагов. Человек явно спускался на реку утром, подходил к лунке, из которой брал воду. Значит, зимовье рядом.

Я отстегнул лыжи, прислонил их к дереву, и поднялся на крутой берег. От ручья до приземистой накрытой белой шапкой избушки метров пятьдесят. Печь не топится. Возле домика на пне чуть припорошенная снегом мотопила «Урал», у стены свежая поленница дров. Хозяина нет.

Если судить по следам, человек появился здесь вчера вечером. Пришёл пешком с верховьев сразу после большого снегопада. Сегодня снова ушёл по своему следу.

В доме оказалось довольно тепло. На полке рядом с дверью полное ведро воды. Под потолком размораживается колонок, вынутый из капкана. Всё это означает, что хозяин скоро объявится.

Разоблачаться я не стал. Пока хозяина нет и ещё совсем не стемнело, самое время заполнить анкету пройденного марш-

рута. Стряхнув с куртки снег, я подсел на нары к окну, достал из рюкзака анкетные листки, очки, вынул из кармана куртки записную книжку с карандашом и углубился в работу.

Через некоторое время за стеной, на улице, послышалось лёгкое движение. Не успел я что-либо сообразить, как дверь бесшумно распахнулась, и в избу вскочил невысокий человек. Не замечая меня в сумраке жилища, он лихо скинул с головы шапку на нары, затем наклонился к печи, потянувшись рукой за растопкой.

Поняв, что человек меня не заметил, я не нашёл ничего лучшего как заговорить с ним. «Добрый вечер», – произнёс я как можно тише.

Человек окаменел в полупоклоне. Потом, повернув голову с широко раскрытыми глазами в мою сторону, так же тихо ответил: «Ты это... Так же ведь напугать можно».

– Прости, если напугал. Моё ж ружьё возле двери. Опять же, следы мои...

– Следы... Когда я задумаюсь, ничё не вижу.

– Да, брат, со мной тоже так бывает. Меня зовут Александром... Александр Паничев.

Человек вышел из состояния ступора, слегка расслабился и заговорил почти весело.

– А, слышал, слышал. Опять тигров считаете?

Сняв с себя уже давно заслужившую пенсию суконную хламиду, он стал развешивать её на стене рядом с печью. Пока он возится, я его расспрашиваю:

– Ты прости за назойливость, и всё же, о чём ты так глубоко задумался?

– О чём? Да вот тигра снова объявилась. Сегодня погода выдалась, настроился мясо добыть, а она тут как тут. Распугала всех зюбрей. Это ж надо, с осени зверя не могу добыть...

– Видел её след. Под сопкой, чуть ниже поворота перешла речку.

– У неё там дорога. Часто там проходит...

Закончив пристраивать одежду, он наконец обернулся ко мне.

– Однако, меня Олегом звать. Будем знакомы что ли, – протянул мне крепкую руку.

Мне показалось, что раньше я встречался с этим человеком, но было это очень давно, быть может, лет двадцать назад, а то и больше. Пока Олег растапливал печь, я успел расспросить его о родителях. Отец его, Дмитрий Думнович, из рода Канчуга. Дед, Николай Гамбович, по прозвищу Покула. Сам я Покулу не знал, но слышал про него.

Когда Олег зажёл керосиновую лампу, я невольно стал присматриваться к его облику. Мне показалось странным, что в нём явно мало удэгейских черт. Лицо овальное, с крепким подбородком, покрытым седоватой щетиной, нос правильный, глаза скорее светлые, чем тёмные.

— Олег, по корням ты вроде удэгеец, а по виду больше русский, — решил я сразу на деликатный вопрос, наверное, потому, что собеседник внушал к себе совершенно особое расположение, излучал неистребимую доброжелательность.

— Ничё особенного. Мать моя загуляла с русским. Вот и родился таким. Среди нашего народа раньше так было принято. Но, между прочим, ощущаю себя чистокровным удэгейцем.

Светло-серые глаза на его изрезанном морщинами лице смотрят без тени осуждения.

— Похоже, мы с тобой почти ровесники? Ты какого года рождения?

— С пятьдесят третьего. Как говорится, родился на излёте сталинской эпохи... После школы поступил работать в промхоз. С тех пор так и охотничаю.

— Ты знаешь, в твоём зимовье я впервые увидел так много книг. Для охотников удэгейцев это не характерно. Ты любишь читать?

— Хорошие книги я люблю. Виктор Астафьев, например, Василий Шукшин... Про войну люблю читать.

— А что ты ещё любишь делать? Расскажи о себе, пожалуйста. Ты прости меня за прилипчивость, но мне очень интересно всё, что ты говоришь.

— Да пожалуйста. Поговорить, это можно. Намолчался тут один... Что я люблю делать?.. В шахматы играть. Раньше я вообще спортсмен был. В теннис любил играть...

— И сейчас в шахматы играешь?

— Да. У нас целый клуб в посёлке. Есть сильные шахма-

тисты. Василий Ботаневич, например. С ним особенно люблю играть. Не только играть, вообще с ним интересно. Хоть и старик уже, а соображаловка как у молодого. Главное, характер у него человеческий...

— Ну хорошо, спортсмен был. Любил это дело. Получалось. А потом что?

— Потом женился... дети, работа... и запил.... Что было, то было. Пил, нужно сказать, по-чёрному. Всё, что зарабатывал, пропивал безбожно. Жена ушла. Между прочим, к человеку, который на двадцать лет старше. Сначала я заперезживал. А потом успокоился. И пить перестал... Мишка и Люба живут со мной. Это младшие. Они меня любят. Пока я здесь, они вместе. Ждут меня. И я жду не дожусь, когда их увижу...

— Да, брат, интересная у тебя биография получается. А жена твоя удэгейка?

— Не совсем. Её отец якут. Приезжий.

— А с женой дети тоже живут?

— Не...е. Двое старших сыновей в городах учатся. Моя бывшая жена, после того как развелись, у нас в доме почти не бывает. Но я её не осуждаю... Я вообще никого не осуждаю. Злобствовать — это последнее дело. Удивляюсь я на людей, как это они умудряются до такой степени не любить друг друга. Вроде, смотришь, уважаемые люди, а как начнут злословить... Матерятся... Господи помилуй.

— Ты что, веришь в Бога?

— Да нее...е, к слову... Но что-то там есть, — показал глазами на потолок.

— А к шаманским обычаям ты как?

— Мой дед Покула всё шаманил. Но, по-моему, это больше для понту. Артист он был... Вот и возили его по городам напоказ... мол, последний шаман из удэге... Но духам почести отдаю. Зачем нарушать традиции?

От разгоревшихся дров в зимовье стало жарковато. Олег стянул наконец с шеи засаленный вязанный шарф из красной шерсти и сдёрнул энцефалитку. Расстегнул молнию на спортивной тёмно-серой кофте, откинулся на нарах, прислонившись спиной к стене. Весь его вид указывал на то, что он вполне готов отвечать и дальше на вопросы не в меру любопытствующего собеседника.

– Так, значит, ты уже тридцать лет как охотишься по Демчугу?

– Да, в июле нынешнего года исполнится уже все тридцать.

– И за все эти годы срубил два зимовья. И те уже скоро завалятся.

Мои слова зацепили Олега. Даже при тусклом свете керосиновой лампы стало заметно, что на лице его проступили пятна, в глазах засветился упрямый блеск. Он заговорил быстрее и громче, иногда подчёркивая сказанное соответствующими жестами.

– А зачем мне зимовья? Участок ведь маленький. Одна большая речка, две других совсем коротенькие. С двух бараков все достаю. Хожу я далеко. А то, что этот дом менять надо, так это я и сам вижу. Я уже и место присмотрел. Отсюда с километр будет. Там скала торчит, залив зверовой... Красота... Картина Репина... Художник наш недавно был там, Иван Иванович Дункай. С тех пор как увидит меня, всё вспоминает: «Ох и место, ох красота...».

Закипел чайник. Олег дотянулся до него и переставил на край печи. Потом снял с гвоздей под потолком две кружки и налил в них кипятку.

Я достал из рюкзака булку хлеба, мясные консервы, пакеты с крупой, сахаром и пенопластовую тарелку с лапшой «Доширак». Наблюдая за моими действиями, Олег вдруг запричитал:

– Погоди, погоди. Не клади хлеб на стол. Сейчас бумагу постелю. Мыши тут. Недавно от мышинной болезни у меня друг помер.

Отыскав на полке газету, расстелил её на столе. Потом снял с гвоздя мешок со своим провиантом и поставил его на стол рядом с газетой. Из мешка вынул пачку индийского чая «Бонд», довольно объёмистый мешочек с карамельками и коробку со сливочным маслом под названием «Станичное».

– Саша, угощайся. Пока чайку дёрнем, потом я чего-нибудь сварю. Ты эту лапшу оставь, где-нибудь по пути съешь. Хочешь, макароннов сварим. Настоящих. Можно заправить тушёнкой с луком. Вот мяса у меня нет. Не добыл... Вчера суп с белкой варил.

– И много её нынче?
– Белки-то? Попадается, но не много.
– Интересно, сколько же участок твой даёт заработка в среднем?

– Грех жаловаться. Бывает до сорока соболей выходит. Иногда белка валом идет. В прошлом году китайцы за неё по сто рублей платили. За норку шестьдесят всего давали. Во, дожили... Зверь по Демчугу есть всегда. Правда, в основном изюбр. Кабана в последние годы всё меньше становится... В этом годе открыли охоту на выдру. Я по осени две штуки успел выхватить...

Он вдруг замолчал и глубоко вздохнул. На тёмном лице резче обозначились морщины, в остановившихся зрачках притухли живые искры.

– Что-то случилось?

– Не везёт мне нынче как-то особенно. Ты веришь, всю пушнину, которую поймал до Нового года, утопил...

– За что так?

– Случайно... Когда шёл домой на новогодние праздники, попросили мужики помочь пропилить залом. Проход для «Бурана». Перед тем как пилить, я рюкзак на лёд бросил. Пока пилил, в том месте, где был рюкзак, лёд взял да и рухнул... Я бегом к проруби, да куда там... Быстрина... Нырнули мои выдры, только и видел. Тысяч двадцать в мешке уплыло... Пришёл к детям, а денег-то нет. Хорошо директор одолжил. С Аркадьичем у меня хорошие отношения. Я его стараюсь не подводить, сдаю всегда аккуратно. И он меня в беде не оставил. Сейчас вот бегаю по тайге... Долг-то отдавать надо. Ничего, время ещё есть, поймаю... Соболей обманывать я хорошо научился... Вот со зверем хуже получается. То ли фарту нет, то ли таланту...

– Ты говоришь, кабана всё меньше становится. А в чём причина по-твоему?

Олег снова оживился. Тема эта его явно волновала.

– Урожая нет. Кедр уже лет десять как не родит. Жёлудь наливается редко. В последние годы и с орехом какие-то чудеса стали происходить.

– С маньчжурским что ли?

– Ну да. В этом годе, в июле, ездил я с Климом по Бикину.

На лодке... Возле Митакезы смотрю, весь лист на орехе жёлтый. Кое-где уже опал. Это в июле-то. Выше по течению то же самое... Может, это лучегорская станция как-то влияет? Дыму то с неё валит немеренно, и всё на Бикин сеет...

— Да, интересно. Поизучать надо бы.

— Поизучайте, поизучайте. Эдак если будет продолжаться, весь кабан уйдёт. За ним и тигр. Жрать-то ему уже сейчас нечего. Вот доловит зубрей, каких сможет, и подастся промышлять по коровникам...

— А раньше кабанов было больше?

— Намного. Я помню, как молодым таскал кабаньи туши. Сначала это была моя обязанность на промысле. Отец с дедом бьют кабанов в верховьях Демчугу и по Сагзе. Это приток хорского Катэна. Раньше мы там тоже охотились. А моё дело вытаскивать. «Буранов» тогда не было. Нарты и собака — вот и весь транспорт. Разрубил тушу вдоль, на нарту и вперёд. Ох, помню, постыллело мне это дело. Хоть крепким был, а уставал сильно...

— Да, таскать мясо по тайге работа нелёгкая. Ну, а сейчас как со здоровьем?

— На здоровье никогда не жаловался. Ну, спина побаливает иногда. Без этого никак. А в больницах бывать ещё не доводилось... Голова, правда, побаливала. Думаю, от водки это. Попил её, родимую... Но, кажись, завязал по-настоящему. Уже пятый год держусь.

— А молодежь пьёт?

— Многие. Наркоманы появились. Раньше опиум пользовали лишь старики, и то редко, и больше как лекарство.

— Ты знаешь, недавно один местный охотник мне выговаривать стал, мол, зачем я написал в журнале, что удэгейцы выпивают. Якобы оговариваю зря народ...

— Кто этот умник?.. Вы-пи-вают... Пьют. Что лошади. После новогоднего разгона неделю остановиться не могут. По тайге иногда чуть живыми расползаются. И писать про это надо. Может, опомнятся хоть некоторые... По себе знаю, что это такое. Да что удэгейцы, много нынче народу пьёт по России.

— Интересно. А какое у тебя отношение к русским?

— Русские большой народ. Куда нам без них! Куда они, туда и мы.

– Да, но, наверное, есть те, кто думает иначе?

– О, это не удэгейцы. Китайцы, корейцы... В Яру их мало, но есть. Они и наших людей сбивают с панталыку. Я так считаю, сегодня в России многим трудно. Может, зря кинулись в капитализм... Но, думаю, всё устроится... А что будет с удэгейцами, зависит больше от нас самих. Забыли мы свои обычаи. Родной язык молодёжь не учит.

– Слушай, Олег, а вот вспомни хоть один ваш обычай. Например, из тех, которые имеют отношение к охоте.

– К охоте... Запомнился мне один случай. Уже лет двадцать как из головы не идёт. Добывали мы как-то с дедом Покулой медведя-белогрудку. В тополе. Медведица высунулась из дупла, под ней слышно, как медвежата пищат. Я стрелил. Упала она под дерево и как заплачет. Дед кричит мне: «Добивай скорее, а то беда будет». «Что за беда?», – спрашиваю. А он говорит: «Если медведь заплакал, значит, умрёт кто-то из родственников». И точно, в тот год весной сестра моя умерла. До сих пор не понимаю, какая тут связь. Но ведь есть же, а?

– Не знаю, что и сказать. Знаю лишь одно: наука мало ещё что знает. От этого порой не в меру кичится своими достижениями. Как первоклашка, который даже не знает, что ещё ничего не знает.

Какое-то время помолчали. На печи тихонько подпевал чайник. Чуть слышно тукали капли талой воды, затекающей под разделку в потолке. Где-то подо мной, под нарами, пискнула и завозилась мышь.

Олег слез с нар, снял с гвоздя на стене котелок и, убедившись, что он чист, поставил его на чурбак рядом с печью.

– Ну что, пора за ужин браться.

– Может, помочь чем?

– Сиди, сиди. Ты мой гость.

Он подошел к двери и, распахнув её, вышел на улицу. Через некоторое время за стеной послышался стук поленьев и приглушённый голос. Олег говорил явно для себя, но я услышал:

– Хо-ро-шо всё будет.

Владивосток, январь 2002

ГВАСЮГИ

Около полуночи в свете фар впереди показались взрослые в снег домики долгожданного посёлка Гвасюги. За моей спиной, на заднем сидении, кто-то облегчённо вздохнул: «Добрались, слава Богу».

— Как зовут женщину, к которой мы едем, — обратился я к попутчикам.

— Валентина Тун-ся-нов-на, — проговорила по слогам Люба Пассар. — Боюсь, я не вспомню, как проехать к её дому. Нужно кого-то спросить.

Легко сказать. Как это сделать в первом часу ночи зимой в незнакомом посёлке, когда все нормальные люди давно спят? Останавливаюсь возле дома, в котором одно из окон слабо освещено, вроде, горит свеча или керосинка. Вылез из машины, прошёл вдоль забора к крыльцу и постучал в дверь.

— Кто? — не сразу отозвался мужской голос.

— Мы ищем Валентину Тунсяновну.

Звякнула щеколда. Из приоткрывшейся щели проговорили:

— Проедете до первого перекрёстка, потом налево и ещё раз налево. Второй дом от угла.

— Спасибо.

Надо же, подумалось, постучал среди ночи, спросил — ответили.

Вот и домик Валентины Тунсяновны. В окнах темень. Тишина. Похоже, что сторожевая собака во дворе, и та спит. Нет, не спит. Вышла из укрытия и осторожно несколько раз твякнула. Когда стало ясно, что хозяев таким лаем с постели не поднять, гурьбой пробираемся к крыльцу. Стучимся. На вопрос хозяйки: «Кто там?» теперь отвечает Галина Волкова.

— Мы из Хабаровска, из Ассоциации коренных народов севера. Я председатель Ассоциации. Моя фамилия Волкова.

Дверь отворилась.

— Проходите, — мягко сказали из темноты. — Я сейчас.

Через сени все впятером мы прошли в дом и сгрудились возле печи на кухне. Маленькая женщина в цветастом халате подкрутила фитиль керосиновой лампы, чтобы стало светлее, и оглядела неожиданно нагрывавших гостей. В её глазах даже за затенёнными стёклами очков угадывалось удивление и лёгкий испуг. Галина Волкова продолжила объяснение:

– Мы к вам в гости. Всего на день. Хотим познакомиться с деревней, с людьми. Припозднились вот. Недалеко от вашего поселка на дороге авария. Лесовоз соскочил с моста и перегорел дорогу, пришлось ждать, пока его вытащат.

Женщина понимающе закивала головой. На её светлом лице, в правильно очерченных линиях носа и губ, в умных глазах угадывались интеллигентность и природная мудрость много видевшего и испытывавшего на своём веку человека.

– У вас мы сможем переночевать? – Галина Михайловна задала, наконец, самый актуальный на данный момент вопрос.

– Спальники у нас свои, – заспешил добавить, деликатно оправдываясь, Александр Нефёдович Гульков.

– Можно, можно. Располагайтесь, – приглашающим жестом руки она показала вход в комнату. – Может быть, поужинаете? У меня суп сварен. Удэгейский, из рыбы. Я вижу, что среди вас есть удэгейцы.

На приглашение к знакомству первой отозвалась Ася.

– Я удэгейка из Красного Яра, из рода Суляндзига. Меня зовут Алиса.

– А меня Люба, – поспешила добавить подруга. – Я тоже родилась в Красном Яре. Сейчас работаю районным наркологом в Хабаровске.

– А я Галина. Родом с Амура. Из нанайцев, – подхватила Галина Михайловна.

Улыбнувшись женщинам, хозяйка перевела взгляд на мужчин. Мы назвали свои имена, добавив, что прибыли из Владивостока как представители общественной экологической организации. Коротко рассказали о том, что в настоящее время формируется программа социально-экономического развития территории центрального Сихотэ-Алиня. Прежде чем что-то предлагать, хотим познакомиться с ситуацией. Особенно нас интересует состояние национальной культуры у хорских удэгейцев.

Перекусить после долгого и утомительного пути не отказались все. После ужина мы с Александром Нефёдовичем улеглись в спальниках на полу в углу большой комнаты. Сама хозяйка перебралась в маленькую комнату, перенесла туда и сладко спящую внучку. Остальных гостей уложила на кроватях.

Утром, позавтракав, мы вместе с Валентиной Тунсяновой вышли на улицу. Было решено побывать в школе, в медпункте, а также побеседовать с главой местной администрации.

Пока мы спали, выпал снег. Довольно плотным ровным ковром он засыпал дорогу, по которой мы приехали, повис кучтой на хвое одинокого кедра давно посаженного кем-то возле калитки, облепил ветки чозений и тополей вдоль речной протоки. От свежевыпавшего снега и необычности всего происходящего возникло внутреннее ощущение праздника. Эта необычность сквозила во всём: в отвычной тишине, в смягчённости весеннего утра, в приветливых улыбках проходящих мимо нас по своим делам незнакомых людей.

Посёлок Гвасюги внешне мало отличается от других затерявшихся в таёжной глубинке среди отрогов Сихотэ-Алиня. Из наиболее приметных объектов зодчества, которые олицетворяют его географический центр, пожалуй, можно выделить здание школы, которое, как оказалось, было выстроено около десяти лет назад. Сложенная из кедрового бруса на возвышенном месте, школа выглядит вполне добротно, я бы даже сказал, эстетично. Однако внутри здания ощущение благополучия быстро улетучилось. Вся просторная внутренность оказалась заполненной горьковатым, похожим на лёгкий туман дымом. Месяц назад в посёлке отказал дизель-генератор. После его остановки рабочие не смогли вовремя слить воду из системы отопления, и трубы во многих местах разморозило. Чтобы не останавливать процесс обучения, директор школы обратилась к населению с просьбой помочь найти выход из создавшейся ситуации. Не придумали ничего, кроме как отапливать помещение печами-буржуйками. Наскоро слепили их около десятка и поставили прямо в классных комнатах. Трубы вывели в форточки. От холода избавились, но стала одолевать другая беда — авральные печи часто дымили.

Для беседы с директором школы, с заранее приглашенным главой поселковой администрации и местным охотоведом мы выбрали помещение библиотеки. Дыму здесь было меньше всего.

В беседе с директором школы удалось выяснить, что обучение протекает более или менее нормально. Обучается больше семидесяти детей. Из них представителей коренного населения — пятьдесят пять. При общей численности населения посёлка в двести шестьдесят человек сто семьдесят из них — удэгейцы. Демографическая ситуация на примере школы выглядит не так уж плохо. В начальных классах для всех детей введены занятия по удэгейскому языку. При школе действует кружок прикладного искусства. Все дети получают питание. Деньги сдают родители, часть затрат покрывается за счёт различных вспоможений. Проблемы, связанные с пьянством и курением школьников, те же, что и в городе. Как и везде, здесь тоже наблюдается тесная связь проблемных детей с неблагополучными семьями. Число таких семей в последнее время увеличилось.

Глава местной администрации оказался человеком грамотным и деловым. Он приехал сюда пятнадцать лет назад после окончания института в Кирове, ранее работал охотоведом в госпромхозе. В разговоре он сообщил, что практически всё коренное население посёлка объединено в общины. Всего таких общин пять. Каждая пытается определить собственную линию по добыванию средств к существованию. Одна община, к примеру, подражается обеспечивать посёлок дровами, другая больше ориентирована на охотничий промысел, третья — на обслуживание электричеством и предоставлением других услуг. Иногда возникают конкурентные отношения. На фоне общего недостатка заработков бывают и острые межобщинные конфликты.

Основной заработок гвасюгинцам, как и в прежние годы, даёт охотничий промысел. Практически все охотники объединены в одну общину с названием «Удэ» (преемник распавшейся общины «Джанго»). Профессиональных охотников в посёлке всего двадцать семь. Любителей около сотни. Общая площадь охотугодий внушительная — около трети миллиона гектаров.

На территории охотугодий уже давно ведутся промышленные лесозаготовки, в том числе и в непосредственной близости от посёлка. Виноваты в этом, как считает глава поселковой администрации, во многом сами местные. Уж слишком они простодушны и весьма слабо ориентируются в экологических проблемах. Этим широко пользуются лесопромышленники при заключении договоров с населением.

Телефонной связи в посёлке нет. Имеются две радиостанции, но из-за отсутствия источников питания они обычно бездействуют. Транспортными путями являются дорога (по ней около двухсот километров до Хабаровска), а также река Хор. В летнее время по реке возможны перевозки с использованием небольших лодок. Основные пассажиро- и грузоперевозки осуществляются по дороге. Значительная часть дорожного пути (около шестидесяти километров) требует расширения и постоянной расчистки от снега в зимнее время. Поскольку расчищать снег некому – нет ни средств, ни техники, к весне добраться в посёлок становится иногда делом весьма трудным. Проехать в этот период сюда могут только автомашины с высокой проходимостью.

По части медицинского обслуживания посёлок тоже ничем особо не выделяется среди других. Здесь имеется фельдшерско-акушерский пункт. Последний медосмотр населения проводился два года назад, в 1998 году. Среди жителей у десяти человек зарегистрирован туберкулёз лёгких. Вместе с тем, согласно статистике, количество смертей в поселке приблизительно соответствует количеству новорождённых. Такая стабильность, скорее, радует. Бывает намного хуже.

Поблагодарив за беседу представителей поселкового руководства, изрядно отравившись дымом, мы с удовольствием вышли на волю, под всё ещё чистый в этих местах синий купол неба. С его вершины льётся на землю яркий солнечный свет. Невдалеке, на речной протоке, возятся в снегу, щечечут пацаны и девчонки. Подумалось о том, что именно им предстоит участвовать в дальнейшем предопределении судьбы этой земли.

После обеда у Валентины Тунсяновны разговоры переключились на проблемы, связанные с удэгейской культурой.

Сама Валентина Тунсяновна оказалась необычайно одарённым человеком. Она отлично владеет родным языком, является одним из составителей удэгейского букваря, а также уникального русско-удэгейского словаря. Обладает она и ярко выраженным чувством гармонии, что стало очевидным при знакомстве с её удивительными орнаментами, мастерски выполненными вышивками. Гармоническое, цельное видение мира явно просматривается и в её разговоре, в точных оценках самых разных сторон жизни. Для жителя отдалённой деревни явление довольно редкое.

Таких одарённых личностей не так уж много среди любого народа. Определить их, пожалуй, можно словом «самородки». Можно употребить и слово «интеллигенция», но только в особом, гегелевском его понимании, — человек с Божественным разумом. И уж точно не в понимании «культурный плодородный слой среди остальной массы серого подзола». В России уже давно обратили внимание на то, что «культурный слой» этот всегда с гнильцой. Настоящие интеллигенты не вымуштрованы только воспитанием и образованием, они просто рождены такими. Их особенность в глубинном устройстве человеческой души. Появление таких людей в мире совсем не зависит от места рождения и даже от качества полученного образования. В городах таких людей так же мало, как и по деревням.

Разумеется, среди маленького народа удэге людей таких вообще единицы. Но они есть. И пока они живут, сохраняется возможность возрождения, накопления и передачи народной культуры.

Владивосток, март 2000